

Альфа и омега разведки

АНДРЕЙ ВЕДЯЕВ

ОДА КОНТР РАЗВЕДКЕ

Альфа и омега разведки

Андрей Ведяев

Ода контрразведке

«ВЕЧЕ»

2021

Ведяев А. Ю.

Ода контрразведке / А. Ю. Ведяев — «ВЕЧЕ», 2021 — (Альфа и омега разведки)

ISBN 978-5-4484-8654-8

Книга писателя и публициста Андрея Ведяева рассказывает о бойцах невидимого фронта и предназначена для всех, интересующихся историей отечественных спецслужб и их вкладом в создание и укрепление безопасности и независимости нашей страны. Большое место в книге занимают воспоминания участников уникальных чекистских операций в годы Великой Отечественной войны, Афганской войны и в наше время в различных горячих точках на постсоветском пространстве.

ISBN 978-5-4484-8654-8

© Ведяев А. Ю., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Борьба миров	6
Пропавшая экспедиция	14
Баллада о звёздном камне	22
Звезда востока	25
Национальный проект	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Ведяев

Ода контрразведке

*Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел
Я принести, но меч*
Мф. 10: 34

© Ведяев А.Ю., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

ООО «Издательство «Вече»

<http://www.veche.ru>

Борьба миров

*Если, путь прорубая
Отцовским мечом,
Ты солёные слёзы
На ус намотал,
Если в жарком бою
Испытал, что почём, —
Значит, нужные книги
Ты в детстве читал!*

Владимир Высоцкий

Из физики известно, что всякое действие вызывает противодействие. Как утверждал в своем труде «Математические начала натуральной философии» (1687) Исаак Ньютон: «Действию всегда есть равное и противоположное противодействие». Причем если у Ньютона это третий закон – то в жизни он является наипервейшим. Как только противник проявляет к вам интерес и начинает вести против вас разведывательные и подрывные действия, а то и угрожать – необходимо тут же принять контрмеры.

«В системе ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ почти с первых лет советской власти контрразведка имела наиболее широкое поле деятельности, – пишет в своей книге “Записки контрразведчика” (1994) генерал-майор Вадим Николаевич Удилов. – Так называемое 2-е Главное Управление занималось вскрытием, предупреждением и пресечением разведывательно-шпионской деятельности вражеских разведок, их резидентур, закамуфлированных под штаты иностранных посольств, торговых и иных представительств, аккредитованных лиц из числа иностранцев и наемных шпионов – советских граждан, вставших на путь предательства. 3-е Управление обеспечивало выполнение сходных задач во всех военных частях и соединениях Советской Армии. Еще со времен гражданской войны это управление было известно как “военная контрразведка”. Это название сохранилось до сих пор».

При этом, вопреки бытующему мнению, работа контрразведчика намного опаснее работы разведчика. Дело в том, что разведчик по большей части стремится избегать тех служб противника, которые могут его проверить, установить, тогда как контрразведчик, напротив, должен быть в самой гуще этих служб и их резидентур, внедряясь в агентурные сети, разведшколы, банды и подрывные центры противника. «Смелость необходима в этой работе потому, – пишет в изданной в СССР в 1938 году книге “Разведка и контрразведка” Чарльз Рассел, – что агент противника не поколеблется прибегнуть к оружию, если это единственное для него средство спасения. <...> Сострадание и даже любовь лишь нарушат ваши расчеты и собьют вас с толку. Работники контрразведки, которые позволяют себе руководствоваться личными чувствами, никогда не добьются успеха. Известен случай, когда работник контрразведки, преследуя агента, обнаружил, что его жертвой является женщина. Строя обвинение против нее, офицер внезапно заметил происходившую в его душе борьбу. Возник конфликт между разумом и сердцем. Требуется подлинная преданность долгу, чтобы поставить под расстрел любимую женщину, но это должно быть сделано без колебаний, если она виновна».

На войне как на войне – говорится в известной французской поговорке (фр. *à la guerre comme à la guerre*). А война для контрразведчика никогда не заканчивается. Как писал Владимир Маяковский:

Будут

битвы
громше,
чем крымское
землетрясение.
Есть твердолобые
вокруг
и внутри —
зорче
и в оба,
чекист,
смотри!
Мы стоим
с врагом
о скулу скула,
и смерть стоит,
ожидает жатвы,
ГПУ —
это нашей диктатуры кулак
сжатый.
Храни пути и речки,
кровь
и кров,
бери врага,
секретчики,
и крой
КРО!

Последняя аббревиатура (КРО) означает Контрразведывательный отдел ГПУ (ОГПУ). По словам первого начальника КРО Артура Христиановича Артузова, отдел обнимал «функции организации и руководства в союзном масштабе органов борьбы со шпионажем иностранных государств, с повстанческими, военными, контрреволюционными организациями, заговорами и политическим бандитизмом». Интересно, что КРО был создан 2 июля 1922 года на базе Особого отдела ГПУ, т. е. на базе военной контрразведки, тогда как в настоящее время Департамент военной контрразведки входит в структуру Службы контрразведки ФСБ России.

А вот секретчики – это работники тайной секретно-политической контрразведки, созданной в первый же день существования ВЧК (20 декабря 1917 года) в виде Отдела по борьбе с контрреволюцией. Затем этот отдел, осуществлявший защиту советского строя не только от прямого террора, но и от идеологической диверсии, неоднократно менял свое название и 5 марта 1931 года стал называться Секретно-политическим отделом (СПО) ОГПУ СССР. Отдел состоял из четырех отделений: 1-е – агентурно-оперативная работа в городах, 2-е – агентурно-оперативная работа в деревне, включая контроль за деятельностью национальных движений, политической благонадежностью запаса армии, казачества, бывших красных партизан, агентурную работу в спецпоселениях раскулаченных крестьян, 3-е – агентурно-оперативная работа в Русской православной церкви, борьба с сектами, антисоветской деятельностью монархистов, кадетов, бывших жандармов, чиновников царского МВД, фабрикантов, оперативное обслуживание милиции и 4-е – агентурно-оперативная работа в СМИ, театрах, среди актёров, литераторов, творческой интеллигенции, а также перлюстрация корреспонденции.

После Великой Отечественной войны ситуация с идеологической диверсией не только не исчезла, но и приобрела новые очертания. Дело в том, что началась холодная война. Почему-

то об этом умалчивают те, кто говорит о притеснениях в отношении разного рода диссидентов и инакомыслящих. А какое инакомыслие на войне – пусть и холодной? Ведь и нынешние либералы с демократами всё время твердят, что, мол, была холодная война и что будто бы Советский Союз даже потерпел в ней поражение. Но тогда выходит, что такие оппозиционеры советскому строю, как Солженицын и Сахаров, являлись диверсантами противника, и с ними еще мягко обошлись.

В 1949 году созданное за два года до этого Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США (англ. Central Intelligence Agency, CIA) начало операцию «Красные носки» по вербовке и засылке в СССР агентов и диверсантов из числа бывших советских граждан, после войны оказавшихся по разным причинам на Западе. Пройдя специальную подготовку в разведшколах на территории США, Германии, Англии и Скандинавских стран, они с фальшивыми документами нелегально забрасывались с различными разведывательными заданиями в нашу страну. При этом ЦРУ широко использовало опыт и кадры гитлеровских спецслужб и работавших на них коллаборационистов, таких как власовцы и оуновцы.

Эта заброска приняла столь массовый характер, что 12 января 1950 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам».

Большинство агентов-нелегалов имели две главные цели шпионажа:

- 1) сбор (добывание) информации об атомных объектах в СССР;
- 2) сбор (добывание) информации о межконтинентальных баллистических ракетах и объектах, на которых они изготавливаются.

«Не могу назвать точного количества всех захваченных органами госбезопасности шпионов, – пишет Вадим Николаевич Удилов, – но фамилии тех, которые сохранились в моей памяти или черновых записях периода моей работы в американском секторе, могу назвать с указанием географии их заброски в начале 50-х годов на территорию СССР.

Август 1951 года. В Молдавскую ССР сброшены на парашютах американские шпионы Ф.К. Саранцев и А.И. Османов.

Сентябрь 1951 года. На территорию Западной Белоруссии с самолета сброшен шпион И.А. Филистович с заданием создания нелегальной вооруженной националистической организации.

Май 1952 года. С американского самолета на парашютах сброшены на территорию Волынской области Украинской ССР агенты ЦРУ США А.П. Курочкин, Л.В. Кошелев, И.Н. Волошановский.

Август 1952 года. На Сахалин водным путем сброшен американский шпион Е.Г. Голубев, а на территорию Белоруссии выброшены с самолета агенты ЦРУ США М.П. Артюшевский, Г.А. Костюк, А.Т. Остриков и М.С. Кальницкий.

Апрель 1953 года. В Краснодарский край выброшен нелегально шпион М.П. Кудрявцев. В это же время на территорию Житомирской области с самолета без опознавательных знаков сброшены агенты американской разведки А.В. Лахнов, А.Н. Маков, СИ. Корбунов, Д.А. Ремига.

Май 1954 года. На территорию Эстонской ССР с самолета сброшены шпионы К.Н. Кукк, Х.А. Тоомла – лица эстонской национальности. Этим же самолетом, но над территорией Латвии, был сброшен бывший преподаватель американской разведывательной школы в городе Кемптен (ФРГ) латыш Л.П. Бромбергс. Если не ошибаюсь, в указанной школе Бромбергс числился под фамилией Андресонс и имел кличку Энди. Задача на Бромбергса возлагалась немалая – создать на территории Латвии шпионскую сеть из числа ранее сброшенных и вновь завербованных в СССР американских агентов.

В Прибалтийских республиках помимо заданий шпионского характера многие американские агенты осуществляли диверсии и террористические акты. Особую активность в этом

плане проявляли агенты противника из числа эстонцев, забрасываемых в СССР морским путем. Они не только убивали активистов советской власти, но даже выжигали у некоторых из них на спинах пятиконечные звезды. В то время при попытке установить по радио связь с разведцентром ЦРУ США был захвачен с поличным агент американской разведки Энедль Мумм. При нем оказались данные на находившихся в подполье вооруженных банд эстонских националистов. В процессе ликвидации этих банд были захвачены 13 агентов разведок, в их числе – Харри Вимм, Иоган Мальтис, Эвальд Халлиск, Аксель Порс и другие.

Не меньшей активностью сотрудничества с вражескими разведками отличались и литовские националисты, связь с которыми те хотели наладить через сухопутные границы ФРГ, ГДР, Польши, Литвы и обратно. Для этих целей американские разведчики пытались использовать литовца Б.Б. Гуигу, с учетом его блестящего знания немецкого, польского и литовского языков. А было это уже в 1958 году.

Это далеко не полный перечень агентов-нелегалов противника, который мне удалось восстановить по отдельным черновым заметкам и по памяти. Разумеется, сотрудники КГБ пытались ориентировать эти акции противника в свою пользу. Так, при захвате шпиона мы старались использовать охватившее его состояние аффекта, чтобы как можно быстрее выяснить интересовавшие нас вопросы и с учетом искренности ответов, а также под тяжестью улик – захваченных предметов шпионской экипировки заставить его или уговорить поработать на своих хозяев под диктовку советских органов госбезопасности».

В 1951 году ЦРУ разработало и запустило международную операцию «REDCAP» («Красный колпак»), систематическую и концентрированную программу по проникновению в советские структуры, находящиеся за рубежом, контролю деятельности советских граждан и мотивации их к предательству (дезертирству). Программа предусматривала вербовку:

- агентов из числа эмигрантов и бывших советских граждан для использования на месте против СССР под контролем разведки и контрразведки;
- агентов из числа эмигрантов и бывших советских граждан для последующей нелегальной заброски в СССР;
- советских официальных лиц для незамедлительного бегства на Запад;
- советских официальных лиц для их агентурной работы после возвращения в СССР.

Фактически любой советский гражданин, находившийся за границей, автоматически становился объектом контроля и учета с возможными вербовочными подходами и дискредитирующими мероприятиями со стороны американской спецслужбы.

3 июля 1967 года Председатель КГБ при СМ СССР Юрий Владимирович Андропов в служебной записке № 1631-А в ЦК КПСС указывал, что «после войны из фашистской Германии и других стран вернулось в порядке репатриации около 5,5 млн советских граждан, в том числе большое количество военнопленных (примерно 1 млн 800 тыс. человек)... Определенная часть сотрудничала с гитлеровцами (в т. ч. власовцы), некоторые были завербованы американской и английской разведками. Из мест заключения после 1953 г. освобождены десятки тысяч лиц, в том числе те, которые в прошлом совершили особо опасные государственные преступления, но были амнистированы (немецкие каратели, бандиты и бандпособники, участники антисоветских националистических групп и др.). Некоторые лица из этой категории вновь становятся на путь антисоветской деятельности... С учетом изложенных факторов органы госбезопасности проводят мероприятия, направленные на улучшение организации контрразведывательной работы в стране по пресечению идеологической диверсии».

В порядке реализации этих мероприятий 17 июля 1967 года было принято решение об образовании 5-го Управления КГБ при СМ СССР. За свою более чем четвертьвековую историю оно показало себя не столько карательным органом по пресечению прав и свобод граждан, сколько аналитическим центром и оперативным штабом для борьбы с хорошо вооруженным,

нацеленным на духовно-нравственные основы и морально-политическое единство советского народа противником. Как раз в 1967 году и появилась известная песня Владимира Высоцкого:

Опасаясь контрразведки,
Избегая жизни светской,
Под английским псевдонимом
«Мистер Джон Ланкастер Пек»,
Вечно в кожаных перчатках —
Чтоб не делать отпечатков, —
Жил в гостинице «Совейской»
Несовейский человек.

В задачу «пятёрки» входило обнаружение и пресечение разведывательной, организационно-пропагандистской и подрывной деятельности западных спецслужб на советской территории, включая вскрытие механизма вербовки и вовлечения граждан своей страны в организованную оппозицию существующему строю. Иначе говоря, необходимо было поставить заслон плану Даллеса, нацеленному на разложение советского общества изнутри путем замещения духовных ценностей низменными инстинктами под жупелом мнимой «свободы».

Текст обращения Аллена Даллеса к Конгрессу США, датируемый 1945 годом, приводится уже на первых страницах книги Юрия Ивановича Дроздова «Вымысел исключен. Записки начальника нелегальной разведки» (2005), что, таким образом, указывает на то, что этот текст попал в распоряжение советских спецслужб именно по каналам нелегальной разведки. Позднее КГБ, скорее всего именно 5-е Управление, организовало его утечку, и отдельные выдержки из этого текста появились во второй части романа Анатолия Иванова «Вечный зов». Их произносит бывший русский жандармский офицер Лахновский, дослужившийся у немцев до звания штандартенфюрера СС: «Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. <...> Литература, театры, кино, пресса – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства, мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности... Будем способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности, бюрократизм и волокиту возведем в добродетель. Честность и порядочность будем осмеивать – они никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивое предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом... Мы будем драться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее»:

Епифан казался жадным,
Хитрым, умным, плотоядным,
Меры в женщинах и в пиве
Он не знал и не хотел.
В общем так: подручный Джона
Был находкой для шпиона —
Так случиться может с каждым,
Если пьян и мягкотел!

Поэтому, при всем уважении к разведке, которой была посвящена моя предыдущая книга в данной серии, именно контрразведка составляет основу государственной, а в более широком смысле – национальной безопасности страны. Как говорится, важно не столько попасть самому, сколько не пропустить удар. Это тоже один из законов борьбы.

Есть, правда, исключения. Одно из них гласит: «Против лома нет приёма». Или, что особенно в стиле Хрущёва, Горбачёва и Ельцина: «Бей своих, чтоб чужие боялись». Брежнев, при всем к нему уважении, тоже допустил непростительную ошибку, подписав 1 августа 1975 года Хельсинкский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. И об этом нужно сказать подробнее.

Инициаторами этого совещания были Советский Союз и страны Варшавского договора. Предполагалось достижение договоренностей о закреплении политических и территориальных итогов Второй мировой войны, нерушимости границ, согласовании мер укрепления доверия в военной области. Однако свое участие в совещании Запад обусловил так называемой «третьей корзиной», куда вошли соглашения по пресловутым «правам человека». На самом же деле за этим выхолощенным названием скрывались пустышки – стеклянные бусы, в обмен на которые хитрые колонизаторы всегда покупали у туземцев земли и независимость.

В итоге Варшавский договор развалился, итоги Второй мировой войны были коренным образом пересмотрены, послевоенные границы в Европе перекроены в угоду Западу, Советский Союз рухнул, а НАТО оказалось чуть ли не на расстоянии пушечного выстрела от жизненно важных центров России.

Бывший первый заместитель председателя – начальник 5-го Управления КГБ СССР генерал армии Филипп Денисович Бобков в своей книге «КГБ и власть» совершенно справедливо отмечает, что «советская сторона весьма неохотно пошла на принятие этого раздела (“третьей корзины”. – А.В.). И не потому, что хотела скрыть имевшиеся в этой области нарушения, а так как была очевидна основная его направленность – создать на территории СССР условия для проведения так называемых “психологических операций”. В поисках выхода из создавшегося тупика советское руководство вынуждено было пойти на уступки. Сегодня можно сказать, что тем самым было положено начало сдачи позиций великой державой. Для Запада стала очевидной возможность диктовать свои условия Советскому Союзу».

При этом цели, которые преследовал Запад, ясно засвидетельствованы в одной из инструкций американских спецслужб, где говорится, что «генеральное направление борьбы есть наступательные действия, в которые необходимо включать широкие круги различных слоев народа, прибегая от простейших к более сложным формам борьбы. Каждому социальному бунту или недовольству необходимо немедленно придавать национальный характер. Национально-политические цели должны быть доминирующими мотивами, даже если перво-причина была не в этом».

Результат не заставил себя долго ждать. 8 января 1977 года Москву впервые потрясла серия терактов, которые осуществили во время школьных каникул и детских ёлок армянские националисты Степан Затикян, Акоп Степанян и Завен Багдасарян. Первая бомба взорвалась в 17:33 в вагоне метро на перегоне между станциями «Измайловская» и «Первомайская». Второй взрыв прогремел в 18:05 в магазине № 15 на улице Дзержинского (ныне Большая Лубянка), недалеко от здания КГБ СССР. Третья бомба взорвалась в 18:10 на улице 25 Октября (ныне Никольская). В результате погибли 7 человек и 37 человек были ранены, многие тяжело.

Розыск террористов был поручен генерал-майору Вадиму Николаевичу Удилову. «В 70-х годах я возглавлял довольно большой коллектив, – пишет он в своей книге “Записки контрразведчика” (1994). – К основной тематике, то есть вскрытию и пресечению на территории СССР агентурной разведки вражеских спецслужб, добавилось руководство подразделением по все-союзному розыску особо опасных государственных преступников. Как это ни странно, я до сих пор не могу дать четкого определения понятиям “розыск” и “поиск”. Ясно, что розыск пред-

полагает что-то конкретное. Скажем, розыск преступника, предмета, документа. Поиск – это более широкое понятие. Например, поиск действующей в нашей стране вражеской агентуры. Во втором случае задействуется комплекс, иными словами, специальная система контрразведывательных мер, в результате чего в поле зрения органов попадают прямые признаки чьей-либо шпионской деятельности. По признакам составляется портрет шпиона, и начинается его розыск. Особенно ярко элементы поиска и розыска проявились при проведении всесоюзных мероприятий по делу “Взрывники” в 1977 году, где мне пришлось возглавить оперативно-следственную группу по розыску диверсантов и обобщению всех материалов по этому делу».

По собранным фрагментам взрывных устройств следователями были установлены детали и материалы, которые использовались при их изготовлении. Позднее один из сотрудников КГБ в аэропорту Ташкента обратил внимание на сумку, которая была такой же, что и в служебной ориентировке. Выяснилось, что сумку сшили в Ереване.

В конце октября 1977 года перед отправлением поезда «Москва – Ереван» террористы оставили сумку с бомбой в зале ожидания Курского вокзала. Спустя несколько минут бесхозная вещь обратила на себя внимание одного из пассажиров, который открыл ее и обнаружил провода и часы. Прибывшие оперативники получили ценные улики, среди которых была синяя спортивная куртка с олимпийской символикой из Еревана и шапка, на которой удалось найти несколько черных выходящих волос.

По этим приметам преступников задержали в третьем вагоне поезда № 55 «Москва – Ереван» на границе Грузии и Армении. Обыски, проведенные на квартирах задержанных, выявили взрывные устройства, которые были аналогичны московским. Главным организатором и руководителем терактов оказался Степан Затибян, основатель нелегальной «Национальной объединенной партии Армении». Все обвиняемые были признаны виновными и расстреляны.

Как отмечает Филипп Денисович Бобков, «по указанию первого секретаря ЦК компартии Армении Демирчяна ни одна газета, выходившая на армянском языке, не опубликовала сообщения о террористическом акте». Диссиденты, особенно академик Сахаров, протестовали против приговора Верховного суда СССР и требовали нового судебного разбирательства.

С началом «перестройки» националистические тенденции стали приобретать лавинообразный характер. Армянские погромы прошли в Сумгаите (1988) и Баку (1990), кровавые события захлестнули Тбилиси (1989) и Вильнюс (1991), рекой полилась кровь в узбекском Коканде (1989) и киргизском Оше (1990). В последнем случае число жертв кровавой резни, устроенной националистическими группировками, достигало уже 10 тыс. человек. По мнению многих исследователей, в действиях националистов просматривалась единая тактика высшего руководства СССР времен «перестройки»: ничего не делать для профилактики, давать возможность событиям разрастаться, используя для их подавления лишь незначительные силы, и только потом применять самые жестокие меры – как против погромщиков, так и против их жертв, способствуя тем самым ещё большему обострению ситуации. Конечной целью организаторов межнациональных конфликтов являлась ликвидация СССР в угоду республиканским элитам, выступавшим под флагом демократии.

Поэтому неудивительно, что 11 августа 1989 года 5-е Управление КГБ СССР было вообще ликвидировано и взамен него создано Управление «З» (защита конституционного строя). А затем, после разыгранного фарса под названием «ГКЧП», из КГБ начали изымать целые управления и подчинять их президенту или передавать «клону» под названием КГБ РСФСР. Уже в сентябре 1991 года было упразднено Управление «З». Тем самым, по словам ставленника Горбачёва пре[дсе]дателя Бакатина, был положен конец «слежке или политическому сыску и надзору по политическим мотивам».

22 октября 1991 года, по решению некоего эфемерного Госсовета, Комитет государственной безопасности был ликвидирован. Официальной датой упразднения КГБ СССР считается 3 декабря 1991 года – дата принятия Советом Республик Верховного Совета СССР, не преду-

смотренным Конституцией СССР, Закона № 124-Н «О реорганизации органов государственной безопасности». С этого момента и вплоть до сегодняшнего дня формально госбезопасности нет – она не упоминается в названии ни одной из вновь созданных спецслужб. Именно поэтому 8 декабря 1991 года в Беловежской Пуще были совершенно беспрепятственно подписаны печально известные соглашения, и 25 декабря 1991 года Союз перестал существовать.

Но я всегда буду благодарен таким людям, как Филипп Денисович Бобков, за то, что наше поколение 60—80-х годов имело счастливое детство и юность, не знало дикой пропаганды насилия, порнографии и стяжательства, пользовалось всеми подлинными, а не мнимыми свободами – мы могли выбирать кружки, пионерские лагеря, профессию, нам были гарантированы медицинская помощь в самых отдаленных уголках страны, защита от криминала и растления, радость дружбы и творчества. И никто у нас этого не отнимет – хотя все мы, в том числе и Филипп Денисович, были вынуждены в условиях нынешних буржуазных порядков «сменить коньки на санки» и в той или иной степени продавать свои знания и таланты новым хозяевам жизни. Надо же и семью кормить.

Но борьба ещё не окончена. Ведь победил беззащитный криминал, грязные дельцы и коррумпированные чиновники – о чем так мечтал мистер Даллес. Поэтому наш девиз остается прежним: «Бороться и искать, найти и не сдаваться» (в оригинале *To strive, to seek, to find, and not to yield*). Именно таков девиз романа Вениамина Каверина «Два капитана». Этот роман был моей первой книжкой, которую я прочитал в далеком 1964 году. А в 1971 году вышла книга Льва Филатова «Ищи борьбу всюду». Она хоть и про футбол, но позволяет взглянуть на жизнь под углом зрения схватки. Невозможно побеждать всегда, и в случае поражения нужно держать удар и готовиться к новым решающим битвам. «Ничего, ничего, поищем – так найдём, верно, Сергей Ипатич? – говорил Глеб Жеглов. – А ты, Шарапов, не впадай в отчаянье, не имей такой привычки». За поражением обязательно придет удача. Как сказали два ангела Апостолам: «Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо» (Деяния 1: 11).

В моем представлении сила госбезопасности заключается в единстве и взаимосвязи всех ее органов, начиная от милиции, пожарной охраны, пограничных и внутренних войск, правительственной связи, охраны первых лиц государства и вплоть до разведки и контрразведки. Именно такова была уникальная структура НКВД СССР, имевшая мощную кадровую базу, которая позволяла использовать уже прошедших специальную подготовку сотрудников погранвойск и территориальных управлений для мгновенного создания спецподразделений, способных в случае необходимости выполнять диверсионно-разведывательные задачи за рубежом или за линией фронта на территории противника. Многие легендарные разведчики начинали свою службу именно в контрразведке или погранвойсках – среди них Павел Анатольевич Судоплатов, Николай Иванович Кузнецов, Иван Данилович Кудря, Евгений Иванович Мирковский, Борис Семёнович Иванов, Григорий Иванович Бояринов и другие. Подобная система отбора приводила к тому, что в нужное время и в нужном месте оказывались люди, обладавшие всеми необходимыми для решения той или иной сверхзадачи качествами. Так формировалась подлинная элита госбезопасности – духовный и интеллектуальный потенциал нации.

Главная тяжесть в противостоянии с коварным врагом всегда ложилась на органы контрразведки. При этом задачи, которые возникали перед чекистами, были порой самыми неожиданными. Иной раз даже казалось, что приходится выступать против самого прародителя зла...

Пропавшая экспедиция

*Отыщи мне лунный камень,
Талисман моей любви,
Над землей, за облаками,
На луне, в любой дали.
Отломи кусочек с края
Самой грустной из планет,
Подари мне лунный камень,
Подари мне лунный свет.*

Инна Кашежеева

Когда в 1975 году я оканчивал 10-й класс школы, то не испытывал особых колебаний, куда поступать. Я жил в двух кварталах ходьбы от МГУ, а там учился мой друг Андрей Габелко, который годом раньше приехал из Германии и поступил на физфак – отец Андрея был большим начальником в системе внешней разведки КГБ СССР. Я частенько бывал у них дома на 3-й Фрунзенской, чтобы обсудить последние новости из мира рок-музыки и послушать, как на прекрасной Hi-Fi стереоаппаратуре *The Fisher* звучит Jesus Christ Superstar или последний альбом, скажем, шотландской группы Nazareth с легендарной композицией Not Faking It (перевод мой. – А.В.):

Длинный Джим залетел на бабки,
Стал стучать на нас в ФБР.
Пастор Фред всем грехи отпустит, —
У него от Бога патент.
Билли Кид был простым убийцей,
Эдгар Уоллес сочинял страшилки,
Ну а я пою в рок-н-ролл бэнд!

У Андрея были все необходимые для поступления в МГУ пособия по математике, и я порой сутками просиживал за решением задач, испытывая азарт разведчика, ведущего сложную оперативную игру со спецслужбами противника. Это покруче, чем шахматы! Но вот, взявшись за физику, я понял – здесь меня ждет провал. И решил сменить легенду, выбрав на этот раз геологический факультет. Химию я знал неплохо, да к тому же недалеко от Андрея жила заместитель декана химфака, и мы с моим другом Ренатом Сейфуль-Мулюковым – племянником знаменитого журналиста-международника и арабиста Фарида Сейфуль-Мулюкова – получили у нее исчерпывающие консультации, так что химию мы сдали на отлично и поступили на геофак МГУ.

В группе у нас как-то сразу сложилась команда из четырех неразлучных друзей. Все мы – Сергей Шабунин, Саша Тихомиров, Алексей Костин и я – были москвичами, жили недалеко от МГУ и очень любили походы, так что уже в первые зимние каникулы оказались на дополнительной практике в Закарпатье, а после первой летней практики в Крыму в августе 1976 года отправились на Кольский полуостров, в Ловозеро.

Сосватал нас в эту поездку наш староста группы Сергей Фролов. Рабфаковец, отслуживший в армии, настоящий атлет, полярный геолог, он был лет на десять старше нас и приехал в Москву из Воркуты. В те годы мы и не знали, что он участвовал в съемках художественного фильма «Территория» по одноименной культовой повести Олега Куваева. Съемки проходили

на Полярном Урале, и главную роль исполнял Донатас Банионис – мой любимый актер, замечательно сыгравший Конона Трофимовича Молодого (полковника Лонсдейла) в советском шпионском детективе «Мёртвый сезон». Банионис бывал у Молодых в доме на Мосфильмовской, и мы с моими друзьями Сашей Громовым и Костей Мищенко его там встречали.

В прошлом году Сергей Фролов прислал мне свои воспоминания, отрывок из которых мне хотелось бы здесь привести: «Полной неожиданностью для меня явилось появление Донатаса Баниониса в сопровождении женщины. На этот раз он был облачён в брезентовый плащ, такие же штаны, накомарник и болотные сапоги. Ну, наш человек. Он кратко представил нам свою спутницу: “Моя супруга, Она”... С радостью Донатас выхватил свой рюкзак из кабины тягача и весело сделал всем прощальную отмашку... Мы быстро установили палатки, таган, соорудили из камней подобие стола и несколько “табуретов”... Я тут же сделал ему комплимент, что не ожидал от утонченного интеллигента такой сноровки. “Ну, что Вы, Серёжа, я же вырос в деревне, да и сейчас не чураюсь ручного труда, стараюсь по дому всё делать сам”, – прозвучало в ответ... Оставив его колдовать с огнём, прихватив большой чайник, я отправился к ближайшему ручью за водой. Над самым дном под крупными камнями серебрились рыбные хвостики, вызвав у меня учащение дыхания и сердцебиения... Никакой драгоценный камень не может выглядеть так прекрасно, как сверкающее на твоей ладони тельце 8—10 сантиметрового хариузенка... Уже прихлёбывая чай Донатас, излучая полное довольство, высказал свою оценку: “Серёжа, давно не ел такой вкуснятины, спасибо тебе. Нет правда, правда – это волшебное блюдо. Шпроты – жалкое подобие, никакого сравнения”... Я сразу принялся за разделку улова, а Донатас зашёл в одну из палаток и вскоре появился из неё преобразившимся: в добротном спортивном костюме и кроссовках, тщательно причесанный, со счастливой улыбкой на губах: “Знаете Серёжа, я давно не испытывал такой “щеньчей” радости. Правда, как в детстве – мы должны это обязательно отметить”. Под мышкой у него торчал свёрток. Бережно сняв обёртку, он любовно огладил бок бутылки и отрекомендовал: “Можжевеловка, производится только в Паневежисе – это городок в Литве, где мы с Оной проживаем. Небольшой, уютный, по-своему милый, нам нравится. И служим мы в тамошнем драматическом театре вместе, в замечательном коллективе. А вот этот божественный напиток готовит один из наших режиссёров, нигде больше такого нет. Да что говорить, надо уже пробовать”... Подняв кружку на уровень груди, с чувством произнёс: “Я хочу выпить за этот удивительный край, его уникальную красоту, полную контрастов и таящих в себе такие чудеса, – и он рукой с зажатой в ней хвостом обвёл окрестности, – а главное чудо – это люди, посвятившие свою жизнь служению этому краю”. Мы чокнулись, выпили, закусили, обнялись, присели и одновременно заговорили. Я о вкусе напитка, а Донатас о вкусе закуски, но оба в превосходных тонах... Разгадав моё намерение расположиться на ночь у костра, Донатас притащил свой спальник и привычную уже для него доху, взглянул на меня, как бы спрашивая разрешения. Поблагодарив улыбкой, он с заговорщицким видом вынул из спальника заветную “бутылочку” можжевеловки и, получив молчаливое согласие, плеснул на донышко кружек, пояснив: “У нас это называется ночной колпак”. Тихонько чокнувшись, мы улеглись».

На следующий день Сергей Фролов, будучи опытным полярником, выступал в качестве каскадёра. Снималась сцена перехода горной реки вброд. «Всё просто, – говорит оператору Сергей. – Я подхожу по тому берегу, прохожу под углом к течению сколько возможно, пронирываю глубокую часть, становлюсь на ноги и двигаюсь к берегу».

Ничего себе, просто – течение-то не детское! Как пишет Сергей, тем временем «к берегу направлялась небольшая группа людей во главе с Донатасом... “Внимание, полная готовность, пошёл!” Я сосредоточенно сделал первый шаг, привычно поймал бедром нужный угол встречи течения, глазами дно и, медленно переступая, двинулся к противоположному берегу, периодически ловя взглядом ориентир на той стороне. Погружение до пояса – треть пути, нагрузка возросла, шаг короче. Ещё несколько шагов и вода по грудь – имеет место снос, корректирую

угол атаки, закрепляюсь, продолжаю брести, уровень стабилизировался, опять снос, продолжаю двигаться только на упоре. В центре потока всё же макнулся с головой, соскользнула опорная нога. Быстро восстановился и тут же ухнул ещё раз. Пришлось постоять, ловя правильное положение, дальше пошёл увереннее, уровень воды начал снижаться. Теперь главное не спешить, держать ориентир и баланс. На берег вышел точно в запланированном месте. “Снято”, – донеслось от камеры. Ко мне бросились со всех сторон, схватили и поволокли к костру... Тут же у меня перед носом появилась кружка с характерным можжевелевым запахом... Всё происходило молча, только один из вездеходчиков не удержался: “Ну, ты брат, даёшь!”»

Серёга Фролов и меня многому научил, все студенческие годы был старшим товарищем – и я за это ему очень благодарен. Мы были с ним в одной бригаде на крымской практике, вместе ходили в маршруты, писали и защищали отчёты. Вот именно тогда благодаря Сергею я поверил в свои силы и понял, что в жизни всего можно добиться, если не сворачивать с однажды избранного пути:

Надо только выучиться ждать,
Надо быть спокойным и упрямым,
Чтоб порой от жизни получать
Радости скудные телеграммы...

В довершение ко всему, курсе на четвёртом, Серёга ухитрился подружиться с Владимиром Высоцким, привозил его к нам на факультет, и мы оттягивались по полной с не лишенным геологической романтики бардом:

Кто захочет в беде оставаться один?!
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но спускаемся мы с покорённых вершин...
Что же делать —
и Боги спускались на землю.

Вполне возможно, что спускались они именно в районе Ловозерских тундр – правда, тогда, в августе 1976 года, отправляясь туда по совету Сергея Фролова, мы об этом и не догадывались. С собой у нас были кроки (т. е. чертёж участка местности, выполненный глазомерной съёмкой), которые Серёга раздобыл для нас у Коли Герасимова, своего друга. Он тоже учился на нашей кафедре. Коля уже тогда был известен на Севере, а после окончания МГУ стал начальником «Полярноуралгеологии», затем министром промышленности и заместителем председателя правительства Республики Коми. 2 ноября 2018 года Николай Герасимов скончался после операции на сердце.

У нас с собой было письмо, подписанное заведующим нашей кафедрой академиком Владимиром Ивановичем Смирновым, человеком легендарным, основоположником учения о рудных месторождениях и сталинским министром геологии. Академик Смирнов принадлежал к замечательной школе минералогов-рудников, которую создал академик Ферсман. Именно Ферсман открыл уникальные редкоземельные залежи Ловозерских тундр в ходе первой научной экспедиции на Кольский полуостров в 1922 году.

Академик Ферсман (нем. Alexander von Versmann) был потомственным русским дворянином немецкого происхождения. Его отец, полный генерал от инфантерии Евгений Александрович Ферсман, служил начальником Александровского военного училища. Дед, генерал-лейтенант артиллерии Alexander Konstantin von Versmann, происходил из лифляндских дворян, а прадед Philipp Conrad Friedrich Versmann был родом из Ганновера. Мать Ферсмана Мария, урожденная Кесслер, была дочерью генерал-лейтенанта Эдуарда Фридриха фон Кесслера из

Дамрау в Восточной Пруссии – одного из главных героев покорения Кавказа, брат которого Карл-Фридрих фон Кесслер – дядя матери Ферсмана – был ректором Императорского Санкт-Петербургского университета и основателем Петербургского общества естествоиспытателей. Сам же академик Ферсман был вице-президентом Академии наук СССР, лауреатом Сталинской премии I степени, основоположником теории рудообразования, первооткрывателем крупнейших месторождений на Кольском полуострове, в Средней Азии и Забайкалье.

Это то, что касается отношения большевиков к дворянам – не говоря уж о том, что первые председатели ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский и Вячеслав Рудольфович Менжинский были потомственными дворянами. Следует также отметить, что одновременно, в августе 1922 года, в Ловозеро прибыла экспедиция под руководством известного исследователя телепатии и паранормальных явлений Александра Васильевича Барченко. Во время революции он читал лекции на судах Балтфлота, которые были посвящены скрытым способностям человека и незримым силам природы, знания о которых хранятся в удаленных частях Земли. О деятельности Барченко был наслышан Глеб Иванович Бокий (тоже, кстати, потомственный дворянин), который в 1918 году был сначала заместителем, а затем и председателем Петроградской ЧК. И в том же году в Петрограде был создан Институт по изучению мозга и психической деятельности, в котором с использованием новейших методов электрофизиологии, нейрхимии и биофизики изучались явления телепатии, телекинезики и гипноза. Директор института генерал-майор медицинской службы Владимир Михайлович Бехтерев пригласил к себе Барченко – очевидно, не без подсказки Бокия.

Интерес Бокия к этим исследованиям понятен – дело в том, что 28 января 1921 года он возглавил Специальный (шифровальный) отдел ВЧК, который был автономным и напрямую подчинялся ЦК РКП(б). В задачи спецотдела входили радиоразведка, дешифровка, криптография, радиоперехват и пеленгация (радиоконтрразведка). Вскоре в составе спецотдела по инициативе Бокия и при участии Барченко была создана секретная научная лаборатория, начальником которой был химик-изобретатель Евгений Гопиус. Формально он возглавлял 7-е отделение и был заместителем Бокия по научной работе. В секретную лабораторию входили ученые самых разных специальностей: от создателей радиоаппаратуры до исследователей солнечной активности и земного магнетизма. Согласно данным генерал-полковника Леонида Григорьевича Ивашова, которые он приводит в книге «Опрокинутый мир» (2018), в задачи спецотдела входили передача мыслей на расстоянии и чтение чужих мыслей (что использовалось в том числе и для дешифровки); влияние энергоинформационных потоков на изменение сознания человека; формирование у людей соответствующих моделей поведения; влияние космических явлений и особенно солнечной и лунной активности на большие массы людей (в контексте подготовки к мировой революции) и т. д.

Отправляясь в Ловозеро под прикрытием экспедиции Мурманского Губэкосо (Губернского экономического совещания), Барченко имел своей целью изучение явления, известного под названием меряченья – своего рода массового психоза, получившего распространение среди северных народностей, таких как саамы (лопари). Люди, находящиеся в состоянии меряченья, чаще всего под влиянием шамана, начинают невольно повторять движения друг друга, безоговорочно выполняют любые команды и могут предсказывать будущее – точно так же, как и тибетские монахи.

По мнению Барченко, в районе Ловозерских тундр существовала культура, не менее древняя, чем в Тибете, оставившая после себя уникальные памятники практической магии. В саамских шаманах он разглядел последних жрецов этой древней таинственной цивилизации. Шаману приписывалось большое могущество: он мог предсказывать будущее, волю духов, наслать и остановить непогоду, узнать исход болезни, разыскать потерянную вещь и многое другое. Возвратившись в Петроград, Барченко поделился своими открытиями с коллегами из Института мозга. Его сообщение было положительно оценено академиком Бехтеревым.

Вот что записал в своем дневнике участник экспедиции и близкий друг Барченко, астроном и астроном, переводчик с индийского, китайского и японского языков Александр Кондияин: «На белом, как бы расчищенном фоне выделяется гигантская фигура, напоминающая темными своими контурами человека. Кругом горы... В одном из ущелий мы увидели загадочную вещь. Рядом со снегом, там и сям пятнами лежавшим на склонах ущелья, виднелась желтовато-белая колонна, вроде гигантской свечи, а рядом с ней кубический камень... Вид гигантской колонны – местные жители называли такие камни сеидами и поклонялись им, как богам – произвёл огромное впечатление на членов экспедиции и вселил некий безотчётный ужас. Завхоз Пилипенко не выдержал и даже закричал. Его едва удалось успокоить, но настроение было подавленным у всех. Чудеса на этом не кончались. Вскоре поблизости обнаружили несколько сопков, похожих на пирамиды. Они показались гранеными искусственным способом. Такие камни, менгиры, обычно располагаются над точкой пересечения двух или более водных потоков. Выяснилось, что у подножия их люди испытывают слабость и головокружение или безотчетное чувство страха, некоторые галлюцинируют. Даже естественный вес человека может увеличиваться либо уменьшаться... К озеру через Тайболу ведёт роскошная тропа. Вернее, широкая проезжая дорога (идущая через перешеек от Ловозера к Сейд-озеру внутри массива Ловозерских тундр. – А.В.), кажется даже, что она мощеная».

А вот что рассказала Ариадна Готфридовна Кондияин, невестка Александра Кондияина, по профессии геолог: «В 1946 г. я работала в геологической экспедиции в районе горы Алуайв, что возвышается над Сейд-озером. Я тогда была первый год замужем за Олегом Александровичем и еще ничего не знала о работах его отца и А.В. Барченко. К озеру я не спускалась, хотя оно было окружено ореолом таинственности. И действительно, сотрудники нашей экспедиции уже после моего отъезда в Ленинград дважды пускались в плавание на лодках по этому озеру, и оба раза это кончалось трагедией – погибло 8 человек. Кроме того, несколько человек погибло под обвалом в ущелье, ведущем к Сейд-озеру. Район Ловозера и Сейд-озера весьма интересен с геологической точки зрения. В частности, он характеризуется аномальным интенсивным тепловым потоком из недр Земли и распространением необычных горных пород. Интересен он и в геоморфологическом и в климатическом отношении. С ним связано много легенд, а также сведений о том, что Сейд-озеро и его окрестности опасны для неискушенных посетителей».

Отправляясь в Ловозеро в 1976 году, мы, конечно, и не догадывались о подстерегающих нас опасностях этой северной Шамбалы. Целью нашей экспедиции были Кейвы, где среди древних кианитовых сланцев находятся лучшие в мире месторождения граната-альмандина и амазонита. Но для этого нам нужно было пересечь Ловозеро, а это настоящее море площадью 200 кв. км, окруженное каменистыми сопками. Небо над ним всегда свинцовое, а вода, даже летом – ледяная, причем волны достигают внушительных размеров.

Добравшись поездом до станции Оленья, а затем автобусом через Ревду до Ловозера, мы пешком дошли до расположенной в 7 км на берегу геофизической станции, показали наши рекомендательные письма и получили совет обратиться к биологам из Петрозаводска, которые базировались неподалеку и постоянно выходили «в море» на своей моторной лодке. Ребята сразу согласились нам помочь, и на следующий день мы четверо и двое биологов, как аргонавты в старину, погрузились в лодку и отправились за своим «золотым руном» и приключениями – которые не заставили себя долго ждать.

Как и в случае Барченко, «едва они отплыли от берега, как небо неожиданно затянули черные тучи. Налетел ураган, который мгновенно сломал мачту и едва не перевернул лодку. В конце концов путешественников прибило к крошечному, совершенно голому островку, где они, дрожа от холода, и заночевали. А утром уже на веслах кое-как дотащились до Ловозерска. Роговой остров действительно оказался заколдованным!»

Разница лишь в том, что у нас сломалась не мачта, а полетела шпонка лодочного мотора. Кое-как мы выгребли на веслах и пристали к такому же крохотному островку. Насквозь мок-

рые, вытащили негнушимися пальцами из рюкзака заветную флягу со спиртом. Разожгли костер, починили мотор – но сильнейший шторм и встречное течение еще несколько дней не позволяли нам продолжить плавание. Как у Александра Городницкого:

У геркулесовых столбов лежит моя дорога,
У геркулесовых столбов, где плавал Одиссей.
Меня оплакать не спеши, ты погоди немного,
И черных платьев не носи, и частых слез не лей...

Дождавшись наконец хорошей погоды, мы преодолели остаток пути, вошли в устье Курги и встали лагерем на высоком берегу залива, разбив палатку около одной из невысоких елей. Поужинав и распрощавшись с биологами, мы достали спальники и за рассказами баек не заметили, как заснули.

Первое, что я увидел утром, выбравшись из палатки, была фигура Шуры Тихомирова, удивленно рассматривавшего свою рубаху, которую он вечером перед сном аккуратно развесил на одной из растяжек, привязанных к ёлке. Рубаха была разорвана надвое и болталась на одном рукаве. Все в изумлении застыли, не в силах вымолвить ни слова. Первая мысль – медведь. Но ведь он должен был бы сдернуть рубаху – да и следов на камнях, поросших ягелем, не было никаких.

Смутная догадка забрезжила у меня в голове лишь в самом конце нашего маршрута. Когда мы возвращались из Кейв, на одном из порогов в районе Ефим-озера мы потеряли остатки провианта, и дело могло обернуться плохо, если бы не охотники из числа местных лопарей, которых мы встретили вблизи Ловозера. Они забрали нас на двух моторных лодках, и одна из них, в которой находились я и Лёха Костин, причалила к небольшому острову, уже покрытому снегом, в центре которого мы увидели чум (на языке саамов *вежа*). Как выяснилось, в нем находился родственник наших спутников, по профессии шаман, или *нойда*.

Внутри чума было довольно темно. Посреди него горел очаг, около которого ползала какая-то старуха и помешивала в котлах, висящих на крючьях разной длины. Перевешивая котлы с крюка на крюк, она тем самым регулировала температуру приготовления. Нойда указал нам место на шкуре напротив себя и закурил трубку. При этом он смотрел мне прямо в глаза и одновременно как бы мимо меня, обозначая тем самым присутствие еще каких-то духовных субстанций, посредством которых видимо и происходили гадания и исцеления. Голос у нойды был высокий, а речь довольно отрывистая, так что не все слова можно было понять. Он сразу стал сватать меня к какой-то своей родственнице. «Получишь оленей в приданое, – пообещал он. – Какой там у вас главный улица? Горький? Вот проедешь по улице Горький на оленях – все будут тебе завидовать!»

Самое интересное, что так оно и вышло. Через два года я познакомился с аспиранткой нашей кафедры Ирой Шолохневой, которая была из Мончегорска – до Ловозера рукой подать. Причем до Мончегорска, как и до Ловозера, можно было добраться только со станции Оленья. В 1979 году мы поженились и проехали по улице Горького в пимах-лопарках из настоящего северного оленя. Так что предсказание шамана, хотя и не буквально, но всё-таки сбылось.

Прощаясь с нами, он как-то странно посмотрел на нас и сказал: «Вас ОН только предупредил». Речь безусловно шла о разорванной рубашке Шуры. Но кого нойда имел в виду? Что это было за предупреждение? То, что несчастные случаи на Кольском происходят каждый год, мы знали. Но лишь гораздо позднее стало известно, что незадолго до нас, в январе 1973 года, в Ловозерских тундрах исчезла целая группа из Куйбышева в составе десяти человек. Впоследствии всех их нашли в разных местах Чивруайского перевала, с искаженными лицами и без глаз, что дало повод назвать эту трагедию вторым перевалом Дятлова.

О том, что произошло на перевале Дятлова в январе – феврале 1959 года, я знал не понаслышке. Дело в том, что мой отец родом как раз из тех мест. Он родился в Новой Ляле, что всего в 180 км от Ивделя, где разворачивались основные события по расследованию этой загадочной истории. «В материалах расследования упоминаются личные дневники Евгения Масленникова – одного из руководителей поисковой операции, – рассказывает мой отец. – Существует мнение, что в этих дневниках содержится чуть ли не сама тайна трагедии. Но эти дневники похоже толком никто не видел. Евгения Масленникова я знал лично, когда работал на Верх-Исетском металлургическом заводе, где в то время он был главным механиком завода. Масленников был очень активным, умным, опытным и осторожным человеком. Будучи одним из немногих мастеров спорта по туризму в СССР, он возглавлял туризм и на заводе, и в Свердловске. Что касается того, что в дневниках Масленникова описана причина случившейся трагедии группы Дятлова. Мне вообще не верится, что у Масленникова были такого содержания дневники. Конечно, он был умным и весьма опытным в туризме человеком-следопытом, разбирался во всех тонкостях этого дела. Но в принятии решений Евгений Масленников был человеком осторожным.

Я почти уверен, что Масленников, побывав на месте происшествия, в принципе распознал по имевшимся там признакам возможную картину трагедии. Но Евгений Масленников на этот раз не был непосредственно причастен ни к подготовке группы к походу, ни к выработке и утверждению её маршрута и не нёс за это личной ответственности. Не исключено, что относительно пассивная роль Масленникова в дальнейшем расследовании была обусловлена и чем-то ещё. Когда Масленников проводил с нами беседу о туризме, то он говорил, что при длительных турпоходах, особенно зимой, обязательно нужно брать с собой в медицинских целях спирт или водку под ответственность руководителя. Можно предположить, что Масленников, в числе первых побывав на месте трагедии, в значительной степени для себя уяснил её причину, но, видимо, из этических соображений и, не будучи уверенным, никому не сказал о своих выводах. Не исключено, что он увидел признаки техногенной причины трагедии. Но Масленников Е.П. не высказался определённо в пользу какой-либо версии. Его не стало в 1983 году».

Мы не раз обсуждали дома все аспекты трагедии на перевале Дятлова, и поэтому, когда известный телеведущий Андрей Малахов предложил мне принять участие в программе «Прямой эфир» на канале «Россия-1», я с радостью согласился. Вообще, я очень высокого мнения о профессиональных качествах Андрея, в чем убеждался не раз, в частности, принимая участие в его ток-шоу вместе с нашими известными разведчиками-нелегалами Еленой Вавиловой и Андреем Безруковым. Каково же было мое удивление, когда осенью прошлого года мне позволили от Андрея и предложили принять участие в новой программе, посвященной Чивруайской трагедии в январе 1973 года в Ловозерских тундрах!

Дело в том, что Андрей Малахов сам из этих мест. Он родился в 1972 году в городе Апатиты буквально в 50 км от того места, где разыгралась Чивруайская трагедия. Наше ток-шоу вышло на экраны 30 января 2020 года, а статья в журнале «StarHit» от 31 января была озаглавлена «Проклятие Ловозерских тундр». Как считает Юлия Вопсева, которая родилась и выросла на Кольском полуострове, «у коренного населения Ловозерские тундры считаются проклятыми. Местные жители там проводят шаманские ритуалы. У них даже существует своя легенда, согласно которой в этих местах на коренных жителей напал великан. Тогда люди обратились за помощью к высшим силам, и монстр был уничтожен. С тех пор это место сакральной силы с очень плохой репутацией».

Но ведь и нас шаман от чего-то предостерегал. С учетом этого я попытался разобраться, что же произошло в ночь на 27 января 1973 года с группой молодых людей из Куйбышева, в основном студентов, под руководством Михаила Кузнецова, в которую кроме него входили Валентин Землянов, Сергей Гусев, Юрий Кривов, Артём Лекант, Юрий Ушков, Лидия Мар-

тина, Анатолий Пирогов, Илья Альтшуллер и Александр Новосёлов. 25 января группа вышла из поселка Ревда, прошла в сторону Сейд-озера, пересекла его и 26 января должна была остановиться на ночлег в устье ручья Чивруай. Поскольку надвигалась полярная ночь, здесь можно было найти дрова для костра, согреться и заночевать. Вместо этого они в тот же вечер начинают восхождение на плато, как будто их гонит туда неведомый страх.

Вот что рассказал о Сейд-озере в своем LiveJournal Андрей Киреев (11.05.2017): «Все, кого мы встречали в тайге или даже в поселке, в один голос говорили – четверых, что не так давно погибли на перевале, однозначно убил снежный человек, “хозяин леса”! Последний из погибшей четверки едва-едва не спасся, он сумел убежать более 7 км, прежде чем страшная смерть достала его всего лишь в двух сотнях метров от ближайшего жилья... По словам сторожа горного рудника, “Их убил страх!” Но, возражаю ему, не всех сразу, может все-таки их убили? “Не было никаких следов убийства! А ты знаешь, какой это страх, сам я не знаю, но охотники до сих пор трясутся, когда о встречах со снежным рассказывают!” Но как он их? Может гипнозом убил на расстоянии? “Не знаю, не знаю... как угодно, но только это ЕГО рук дело!...”»

В феврале 2019 года о Чивруайской трагедии вновь заговорили благодаря нижегородскому предпринимателю Виктору Ворошилову – двоюродному брату погибшего Анатолия Пирогова, который был среди участников восхождения. В течение зимы и весны Виктор преодолел 4 тыс. километров, прошел тем же маршрутом, что и ребята, встречался с теми, кто последними видел их живыми, нашел в Апатитах женщину-метеоролога, смена которой была как раз в тот роковой день, и должен был принять участие в записи нашей программы. В назначенный час мы ожидаем появления Андрея Малахова в студии, и первое, что слышим от него – это то, что за несколько дней до эфира Виктор Ворошилов был зверски убит. Его нашли в сгоревшей машине с проломленным черепом, тело сильно обгорело. По словам его вдовы, неприятности у мужа начались сразу после того, как он совершил восхождение.

Что касается нашей группы, то и у нас не обошлось без потерь. В середине 90-х трагически погиб Шура Тихомиров – чья рубашка оказалась разорванной в самом начале нашей экспедиции в Кейвы. Нет с нами уже и Сергея Шабунина по прозвищу «Локис», что означает «Медведь», который был геологом до мозга костей и возглавлял нашу четверку во время незабываемых походов за Звёздным камнем, которому посвящены замечательные стихи поэта Евгения Маркина (1938–1979):

Баллада о звёздном камне

Гале

За дальними отрогами, где елки
над пламенем костра сомкнули круг,
уснули бородатые геологи,
разведчики непознанных наук.
Им брошенной оседлости не жалко,
им звездный камень снится без конца...
А в комнате у нас темно и жарко.
И слаженно колотятся сердца.
И я тебя целую до истомы.
И ты еще не веришь,
что с утра
в далекий край
я ухожу из дома
к ровесникам, уснувшим у костра.
О звездный камень!
Он открыт лишь в грезах.
Но нас не остановят, черт возьми,
ни тайны,
ни мотания,
ни грезы,
ни боль разлук...
И ты меня пойми.
Люби меня!
Ты голову уронишь.
Ты страсть мою вторую
не простишь.
Ты трижды меня за год похоронишь
и трижды
женской верой
воскресишь!
Но мы не скоро бросим ледорубы...
И потаенной полночью
навек
к твоим губам
прильнут чужие губы,
споткнется сердце, замедляя бег...
А где-то за далекими хребтами
я в этот миг стою над крутизной,
нашедший наконец-то
звездный камень,
сложивши руки-крылья за спиной.
И вдруг
в ночи,

торжественной и тихой,
едва забьется сердце невпопад,
я закричу
отчаянно и дико,
как лебеди подбитые кричат!
И крик заходит эхом по округе,
в ущелья руша камни и пески.
Я закричу —
и в небо вскину руки.
И сердце
разорвется
на куски!
... Степенная,
привыкшая к другому,
живущая в обхоленном краю,
забудешь ты пылающую комнату
и страсть неукротенную мою.
Но в те года,
когда пройдут исканья,
когда помолодеет шар земной,
твой стройный сын
уйдет за звездным камнем
дорогами,
проторенными мной.
А возвратясь,
счастливый от успеха,
он вдруг тебе поведаст с тоской
легенду
про блуждающее эхо...
И ты за сердце
схватишься рукой!

Приходилось хвататься за сердце и Барченко, еще во время своей первой экспедиции 1922 года. Вот как об этом рассказано в книге «Оккультисты Лубянки» (2006) Александром Андреевым и Василием Бережковым: «Когда к вечеру они добрались до чума Анны Васильевны, у А.В. Барченко сделался тяжелый сердечный приступ. Анна Васильевна взялась его вылечить. Он лежал на земле. Она встала у него в ногах, покрылась с ним длинным полотенцем, что-то шептала, делала какие-то манипуляции кинжалом. Затем резким движением направила кинжал на сердце А.В. Барченко. Тот почувствовал страшную боль в сердце. У него было ощущение, что он умирает, но он не умер, а заснул. Проспал всю ночь, а наутро встал бодрый, взвалил свой двухпудовый рюкзак и продолжил путь. В дальнейшем (по утверждению Э.М. Кондияйн) сердечные приступы у Барченко больше не повторялись».

Вскоре Барченко стал рассматриваться как возможная кандидатура для экспедиции в Тибет, на поиски таинственной Шамбалы.

Однако в Лхасу удалось проникнуть Якову Блюмкину, знаменитому чекисту и красному Джеймсу Бонду, сотруднику внешней разведки ИНО ОГПУ, который в свое время познакомил Бокия с Бехтеревым и Барченко и сотрудничал с секретной лабораторией спецотдела Бокия. Блюмкин присоединился к экспедиции Николая Рериха, продвигавшейся в то время по Индии, осенью 1925 года под видом монгольского ламы – об этом я подробно рассказывал в предыду-

щей книге. Олег Шишкин в своей книге «Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж» (1999) также утверждает, что Блюмкин принимал участие в экспедиции Николая Рериха.

Блюмкину удалось заручиться расположением далай-ламы и получить доступ к тайным знаниям предыдущих цивилизаций и секретным технологиям изготовления оружия (речь шла о ядерном и лазерном оружии, средствах воздействия на мозг человека, новых принципах аэродинамики и неизвестных видах энергии), которые вскоре оказались в Германии, а на квартире Блюмкина в Москве чекисты изъяли два миллиона 440 тыс. долларов. При этом за спиной Блюмкина маячила фигура его давнего покровителя Троцкого, с которым Блюмкин, резидент в Константинополе, восстановил связь в 1929 году. В беседе с Троцким Блюмкин высказал свои сомнения в правильности сталинской политики. Однако Троцкий убедил Блюмкина, что, работая в ОГПУ, он больше пригодится оппозиции. Благодаря Елизавете Зарубиной об этом стало известно на Лубянке, и Блюмкин был расстрелян.

Так что предательства и бегства на Запад в среде деятелей органов госбезопасности из числа революционеров первой волны начались задолго до ударившего по ним же «большого террора» 1937–1938 годов. Оказалась предрешена и судьба «окультистов Лубянки». Обладание тайными знаниями и близость к заговорщикам – в частности, к Ягоде – делала их угрозой для государства во главе со Сталиным. 16 мая 1937 года был арестован обладатель знака «Почётный работник ВЧК – ОГПУ (V)» за № 7 комиссар госбезопасности 3-го ранга (что соответствовало званию генерал-лейтенанта) Глеб Иванович Бокий. 21 мая за ним последовал Александр Васильевич Барченко, а 7 июня – Александр Александрович Кондяин. Все они были расстреляны по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. После их расстрела вся документация спецотдела, включая наработки секретной лаборатории в области паранормальных явлений, гипноза и передачи мыслей на расстоянии, была уничтожена.

Звезда востока

Предательство нельзя прощать хотя бы потому, что сами предатели никогда себе не простят собственного предательства, а значит, будут всегда опасны – и предадут ещё.

Марио Пьюзо. Крёстный отец

В истории советских спецслужб, прежде всего разведки, был период, который можно назвать «эпохой великих провалов». В 1930-е годы бегства за кордон и выдача противнику самых секретных сведений, в том числе оборонного характера, а также сдача агентурных сетей, резидентур и связей приняли такие катастрофические масштабы, которые требуют своего разумного объяснения. Тем более, что руководство страны было вынуждено реагировать на всё это самым жестким образом, поскольку речь шла о национальной безопасности.

В ходе расследования предательств и заговоров в высших эшелонах власти лично Сталиным и Политбюро ЦК ВКП(б) по т. н. «сталинским расстрельным спискам» было осуждено 44 893 человека, в т. ч. в период «большого террора» 1937–1938 годов – 43 768 человек. В основной своей массе это были руководители различных рангов, в том числе силовых структур, прежде всего РККА. В этот период было расстреляно 78 % членов ЦК ВКП(б), т. е. партийной элиты. Самой жёсткой чистке подверглись органы НКВД.

Общим местом для объяснения причин этих событий стали такие штампы, как «обострение классовой борьбы», «революция пожирает своих детей» и т. п. банальные вещи, которые на самом деле являются не более чем фигурами речи и ничего не объясняют.

Ближе других к существу дела подошел генерал-полковник Леонид Григорьевич Ивашов, который видит причины данного явления в национальном вопросе. В своей книге «Опрокинутый мир» (2018) он пишет: «Пока русские большевики возились на баррикадах и участвовали в боях, власть в стране почти полностью перешла в руки еврейских “революционеров”». В такой прямой постановке, однако, данный тезис также не выдерживает критики. Например, Леонид Григорьевич пишет: «Первое советское правительство во главе с Лениным: из 22 членов правительства (наркомов): русских – 2, евреев – 18». Но, согласно Декрету II Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства от 26 октября (8 ноября) 1917 года («Декреты советской власти», т. 1, М.: 1957), в состав Совета Народных Комиссаров вошли: «Председатель Совета – Владимир Ульянов (Ленин). Нарком по внутренним делам – А.И. Рыков. Земледелия – В.П. Милютин. Труда – А.Г. Шляпников. По делам военным и морским – комитет в составе: В.А. Овсенко (Антонов), Н.В. Крыленко и П.Е. Дыбенко. По делам торговли и промышленности – В.П. Ногин. Народного просвещения – А.В. Луначарский. Финансов – И.И. Скворцов (Степанов). По делам иностранным – Л.Д. Бронштейн (Троцкий). Юстиции – Г.И. Оппоков (Ломов). По делам продовольствия – И.А. Теодорович. Почт и телеграфов – Н.П. Авилов (Глебов). По делам национальностей – И.В. Джугашвили (Сталин)». Из них восемь человек – Рыков, Милютин, Шляпников, Ногин, Луначарский, Скворцов (Степанов), Оппоков (Ломов) и Авилов (Глебов) – русские. К ним же можно добавить и Ленина – потомственного русского дворянина. Ещё трое – Овсенко, Крыленко и Дыбенко – малороссы (украинцы), Джугашвили (Сталин) – грузин, Теодорович – поляк. Таким образом, единственным евреем в первом правительстве был Троцкий. Мало того, 29 октября (11 ноября) 1917 года наркомом государственного призрения была назначена А.М. Коллонтай, родившаяся в русской дворянской семье, 8 (21) ноября 1917 года наркомом путей сообщения был назначен М.Т. Елизаров – русский, выходец из крестьян, и 2 (15) декабря 1917 года председателем Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) стал В.В. Оболенский (Н. Осинский) – русский, из дворян. Ну о каком тут захвате власти евреями можно говорить?

То же самое касается и госбезопасности. Леонид Григорьевич пишет: «Знаменитая ВЧК – 36 чел., русских – 2 (Соколов и Антонов-Овсеенко), евреев – 23, латышей (сомнительных) – 8, поляк – 1 (Дзержинский)». Прежде всего следует отметить, что Антонов-Овсеенко, который арестовал Временное правительство, был дворянином и имел, в отличие от большинства революционеров, военное образование. Поэтому он командовал Южным, затем Украинским фронтом, провозгласил советскую власть на Украине, был командующим Вооруженными Силами Украинской ССР – но к ВЧК отношения не имел.

«ИЗ ПРОТОКОЛА № 21 ЗАСЕДАНИЯ СНК ОТ 2 (20) ДЕКАБРЯ 1917 г.

Председательствует В.И. Ленин

Слушали:

9. Доклад Дзержинского об организации и составе Комиссии по борьбе с саботажем.

Состав (еще не полный): 1) Ксенофонов, 2) Жиделев, 3) Аверин, 4) Петерсон, 5) Петерс, 6) Евсеев, 7) Трифонов В., 8) Дзержинский, 9) Серго? 10) Васильевский?

Задачи комиссии: 1) Пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили.

2) Предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними.

3) Комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения.

Комиссия разделяется на отделы: 1) информационный, 2) организационный отдел (для организации борьбы с контрреволюцией по всей России и филиальных отделов), 3) отдел борьбы. Комиссия сконструируется окончательно завтра. Пока действует Ликвидационная комиссия Военно-революционного комитета. Комиссии обратить в первую голову внимание на печать, саботаж, к. д., правых с.-р., саботажников и стачечников. Меры – конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.

Постановили:

9. Назвать комиссию – Всероссийской чрезвычайной комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем – и утвердить ее.

Состав ВЧК на 1 января 1918 года:

Дзержинский Ф.Э. (председатель) – поляк;

Аверин В.К. – русский;

Евсеев Д.Г. – русский;

Жиделев Н.А. – русский;

Ксенофонов И.К. – русский;

Менжинский Вячеслав Рудольфович – поляк;

Петерс Я.Х. – латыш;

Петерсон К.А. – латыш;

Смирнов А.П. – русский;

Трифонов В.А. – русский (из казаков);

Яковлев К.А. – русский.

Впервые подробные сведения о национальном и социальном составе органов ВЧК – ОГПУ опубликовал Олег Иванович Капчинский в книге «Госбезопасность изнутри» (2005). Эти и другие сведения приводит также Александр Север в книге «10 мифов о КГБ» (2009). Согласно анкетным данным, на сентябрь 1918 года среди 372 сотрудников управленческого, следственного, оперативного, надзорного, канцелярского и административно-хозяйственного персонала ВЧК было 179 (48,1 %) латышей, 113 (30,4 %) славян (русских, украинцев и белорусов), 35 (9,4 %) евреев, 23 (6,2 %) поляков и литовцев, 4 (1,1 %) немца, 3 (0,8 %) финна, 2 (0,5 %) эстонца, 1 (0,4 %) француз, 1 (0,4 %) грек и 11 (2,1 %) неустановленных. Среди

руководящих работников ВЧК, чьи анкеты сохранились, латышей было 113 человек (50,4 %), русских, украинцев и белорусов – 58 человек (25,9 %) и евреев – 27 человек (12,1 %).

Ситуация с перехватом власти евреями, о которой пишет Леонид Григорьевич Ивашов, начинает обозначаться только к концу Гражданской войны. Вот что мы имеем согласно справочнику «Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991»:

Состав ВЧК на 1 января 1921 года:

Дзержинский Ф.Э. (председатель) – поляк;
Ксенофонтов И.К. (зам. председателя) – русский;
Герсон В.Л. (секретарь председателя ВЧК) – еврей;
Беленький А.Я. (Спецотделение при президиуме ВЧК) – еврей;
Фельдман В.Д. (Следственная часть при Президиуме ВЧК) – еврей;
Свидерский С.И. (Служба связи) – поляк;
Сташевский (Гиршфельд) А.К. (Санчасть ВЧК) – еврей;
Пиманов П.М. (Управление домами ВЧК) – русский;
Апетер И.А. (Административно-организационное управление) – латыш;
Крыленко Н.В. (Экономическое управление) – русский;
Менжинский В.Р. (Секретно-оперативное управление) – поляк;
Роцен Я.П. (Регистрационно-статистическое управление) – латыш;
Менжинский В.Р. (Особый отдел) – поляк;
Самсонов Т.П. (Секретный отдел) – русский;
Бокий Г.И. (Спецотдел) – украинец;
Давтян Я.Х. (Иностранный отдел) – армянин;
Благоднаров Г.И. (Транспортный отдел) – русский;
Николаев И.Н. (Часть снабжения вещевым довольствием) – русский;
Шпигельглас С.М. (Контрольная комиссия Управделами ВЧК) – еврей.

Состав ГПУ при НКВД РСФСР на 1 января 1923 года:

Дзержинский Ф.Э. (председатель) – поляк;
Уншлихт И.С. (зам. председателя) – поляк;
Герсон В.Л. (секретарь председателя ВЧК) – еврей;
Езерская (Вольф) Р.Д. (нач. Секретариата Коллегии ГПУ) – еврейка;
Беленький А.Я. (Спецотделение при Коллегии) – еврей;
Менжинский В.Р. (Секретно-оперативное управление) – поляк;
– Секретный отдел – Самсонов Т.П. – русский;
– Контрразведывательный отдел – Артузов (Фраучи) А.Х. – швейцарец;
– Особый отдел – Ягода Г.Г. – еврей;
– Транспортный отдел – Благоднаров Г.И. – русский;
– Иностранный отдел (разведка) – Трилиссер М.А. – еврей;
– Восточный отдел – Петерс Я.Х. – латыш;
– Оперативный отдел – Сурга И.З. – белорус;
– Информационный отдел – Ашмарин (Ахрамович) В.Ф. – поляк;
– Отдел политконтроля – Этингер Б.Е. – еврей;
– Отдел центральной регистратуры – Шанин А.М. – русский;
Бокий Г.И. (Спецотдел) – украинец;
Фельдман В.Д. (Юридический отдел) – еврей;
Кашнельсон З.Б. (Экономическое управление) – еврей;
Воронцов И.А. (Адм. – организационное управление) – русский;
Ефимов Н.А. (нач. штаба войск ГПУ) – русский;
Сидоров С.Ф. (Отдел снабжения) – русский;
Фельдман В.Д. (Курсы ГПУ) – еврей.

Как видим, если в первом составе ВЧК из 11 человек семеро были русскими и не было ни одного еврея, то к моменту образования СССР (30 декабря 1922 года) в составе ГПУ (которое 15 ноября 1923 года было преобразовано в ОГПУ при СНК СССР) оставалось всего шестеро русских на 23 человека, из которых уже девять евреев.

Вывод здесь очевиден – за годы Гражданской войны национальным меньшинствам с российских окраин удалось поставить власть, и прежде всего силовые структуры, под свой контроль. Колоссальную роль при этом сыграл личный авторитет Лейбы Троцкого (Бронштейна), который с 1918 года был неизменным председателем Реввоенсовета и наркомом по военным, а затем и морским делам. Однако, когда бои отгремели и потребовалось восстанавливать и отстраивать страну, неожиданно выяснилось, что большинство революционных «пассионариев», этнически не связанных с русской духовно-исторической традицией, вовсе не рассматривают «эту страну» как свою конечную цель. Их интересы лежат за пределами России – в Европе, Азии и Америке, где только и возможно осуществление идеалов коммунизма, а отсталая аграрная Россия – всего лишь плацдарм, да еще человеческий материал, который можно бросить в топку «мировой революции».

Противоположную позицию занял Сталин. Впервые он озвучил ее в 1922 году, когда предложил план «автономизации», что означало включение национальных окраин в состав РСФСР на правах автономий. Этот план, фактически означающий возрождение Российской империи, встретил ожесточённое сопротивление на Украине и в Грузии, и окраины входят в состав Союза на правах союзных республик. Из названия самой федерации «СССР» было устранено слово «Российский».

Однако, следуя своему курсу на построение русского социализма, Сталин собирает вокруг себя единомышленников, таких как Дзержинский, Молотов и Куйбышев. По настоянию Сталина Президиум ЦИК СССР назначает Дзержинского председателем комиссии по организации похорон Ленина, что резко поднимает статус Дзержинского в иерархии власти. Уже в феврале 1924 года Феликс Эдмундович становится во главе Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР и начинает подготовку к индустриализации страны, в качестве основного звена которой были выбраны инвестиционные отрасли, такие как металлургия и машиностроение, на основе централизации управления экономикой и концентрации государственного капитала в едином промышленном бюджете. По инициативе Дзержинского вместо Главметалла ВСНХ была создана комиссия МеталлЧК, которую он же и возглавил.

В конце апреля 1925 года в Москве XIV партийная конференция одобрила выдвинутую Сталиным ещё в декабре 1924 года теорию построения социализма в одной стране. В резолюции «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным Пленумом ИККИ» резкой критике был подвергнут тезис Лейбы Троцкого о невозможности построения «полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, без “государственной помощи” более развитых в технико-экономическом отношении стран». Против Сталина выступил председатель Исполкома Коминтерна и Ленсовета Зиновьев (настоящее имя Евсей-Гершен Ааронович Радомысльский), поддержанный председателем Исполкома Моссовета Каменевым (Лев Розенфельд) и ленинградской делегацией. Сложившийся оппозиционный блок получил название «Новой оппозиции». В апреле 1926 года к «Новой оппозиции» присоединяется и сам Троцкий (Лейба Бронштейн), в результате чего сложилась так называемая «Объединённая оппозиция».

20 июля 1926 года на пленуме ЦК ВКП(б), посвящённом состоянию экономики СССР, Дзержинский подверг резкой критике Пятакова, которого он назвал «самым крупным дезорганизатором промышленности», и Каменева, которого обвинил в том, что тот не работает, а занимается политиканством. Как пишет в своих воспоминаниях Анастас Иванович Микоян, «выступление Дзержинского было резким, острым... Речь его прерывалась частыми репликами со стороны оппозиции – Пятакова, Каменева, Троцкого. Дзержинский доказал, что все те доводы, которые приводила оппозиция, основаны не на фактических данных, а на жела-

нии во что бы то ни стало помешать той работе, которую ведут Пленум и Политбюро». Каменев в своем заключительном слове снова допустил грубые нападки на Дзержинского, который «почувствовал себя плохо и, не дождавшись конца заседания, вынужден был с нашей помощью перебраться в соседнюю комнату, где лежал некоторое время. Вызвали врачей. Часа через полтора ему стало лучше, и он пошел домой. А через час после этого его не стало». Заседание было прервано, работа пленума приостановлена. В начавшейся суматохе кто-то быстро убрал стакан с водой, из которого во время выступления пил Дзержинский. Так что никаких следов не осталось.

Но основную схватку за власть и влияние Троцкий проиграл. В 1927 году его, Каменева и Зиновьева исключают из партии. В 1929 году Троцкого высылают из страны, а его связника Блюмкина расстреливают. Именно с этого момента Троцкий и его сторонники переходят к тактике террора путем организации заговоров и покушений – таких как убийство Кирова 1 декабря 1934 года и подготовка покушения на Сталина в 1935 году («Кремлёвское дело»). В этих и других случаях за спиной исполнителей терактов стояли Троцкий, Каменев и Зиновьев.

Однако на тот момент ни в ОГПУ, ни в руководстве Коминтерна, решения которого были обязательны для ВКП(б), ни в его разведке – Отделе международной связи Коминтерна – сторонников Сталина, да и русских вообще практически не было. В РККА также в значительной степени сохранялся авторитет Троцкого, который в 1918–1925 годах был председателем Реввоенсовета и наркомом по военным делам (сначала РСФСР, затем – СССР). Говоря нынешним языком, у Сталина не было достаточной поддержки со стороны силовиков.

В ноябре 1935 года сотрудникам НКВД были присвоены персональные звания. Это позволяет легко отследить национальный состав элиты госбезопасности на тот период. Высшее маршальское звание Генерального комиссара ГБ получил только Генрих (Енох) Григорьевич (Гершенович) Ягода – по национальности еврей.

Следующие сотрудники НКВД получили звание «Комиссар ГБ 1-го ранга» (генерал армии):

Агранов (Сорендзон) Яков Саулович (Янкель Шмаевич) – еврей;
 Прокофьев Георгий Евгеньевич – русский;
 Заковский Леонид Михайлович (Генрих Эрнестович Штубис) – латыш;
 Реденс Станислав Францевич – поляк;
 Балицкий Всеволод Аполлонович – украинец;
 Дерибас Терентий Дмитриевич – украинец.
 Звание «Комиссар ГБ 2-го ранга» (генерал-полковник) получили:
 Паукер Карл Викторович – еврей;
 Гай (Штоклянд) Марк Исаевич (Исаакович) – еврей;
 Миронов (Коган) Самуил Леонидович – еврей;
 Молчанов Георгий Андреевич – русский;
 Шанин Александр Михайлович – русский;
 Слуцкий Абрам Аронович – еврей;
 Бельский (Левин) Лев (Абрам) Николаевич (Михайлович) – еврей;
 Рудь Петр Гаврилович – еврей;
 Залин (Левин) Лев (Зельман) Борисович (Маркович) – еврей;
 Пилляр Роман Александрович (Ромуальд фон Пильхау) – поляк;
 Леплевский Григорий (Израиль) Моисеевич – еврей;
 Гоглидзе Сергей Арсеньевич – грузин;
 Кацнельсон Зиновий Борисович (Борухович) – еврей;
 Карлсон Карл Мартынович – латыш;
 Звание «Комиссар ГБ 3-го ранга» (генерал-лейтенант) получили:
 Бокий Глеб Иванович – украинец;

Берман Борис Давыдович – еврей;
Каруцкий Василий Абрамович – еврей;
Николаев-Журид Николай Галактионович – украинец;
Дагин Израиль Яковлевич – еврей;
Дейч Яков Абрамович – еврей;
Бак Соломон Аркадьевич – еврей;
Решетов Илья Федорович – русский;
Погребинский Матвей Самойлович – еврей;
Сумбатов-Топуридзе Ювельян Давидович – грузин;
Люшков Генрих Самойлович – еврей;
Мазо Соломон Самойлович – еврей;
Зирнис Ян (Иван) Петрович – латыш;
Стырне Владимир Андреевич – латыш;
Пузицкий Сергей Васильевич – русский.

Сюда еще нужно добавить Фриновского Михаила Петровича, получившего армейское звание комкора – по национальности русского. В целом складывающаяся картина национального состава элиты госбезопасности при Ягоде не требует особых пояснений: среди 37 человек шесть русских и 19 евреев.

В этой ситуации, понимая серьезность своего положения, Сталин ищет поддержку в рядах партийцев (Ежов) и создает свою собственную спецслужбу – личную разведку, найдя сторонников в лице бывшей Имперской разведки Российской империи. Это была мощная глубоко законспирированная сеть, проникавшая во все властные структуры и масонские ложи западного мира. В числе ее агентов были влиятельные люди, такие как, например, Николай Рерих. «Через военную и Имперскую разведки Российской империи, – пишет Леонид Григорьевич Ивашов, – а не через ОГПУ Сталин владел информацией о тайных операциях первых чекистов за рубежом».

Именно по этим каналам Сталин узнает, что затевают троцкисты и другие оппозиционеры, в руках которых до сентября 1936 года оставался практически весь репрессивный аппарат советской власти. Но после смещения Ягоды с поста наркома внутренних дел они, чувствуя, что терпят поражение, пошли на открытое предательство. Начались побегі за кордон, где сдавали целые резидентуры. При этом для западной публики все это выставлялось как бегство от «кровавого сталинского режима».

Но на воре и шапка горит. Тот же Рейсс (Натан Маркович Порецкий), который готовил нелегалов, таких как Яков Блюмкин, Василий Зарубин, Шандор Радо и Рихард Зорге, попросил убежища в Париже и 17 июля 1937 года выступил во французских газетах с открытым письмом, обличавшим политику Сталина, – по словам Рейсса, речь шла о массовых расстрелах. Но весь юмор состоит в том, что совершенно секретный приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» вышел только 30 июля 1937 года, а до этого ни о каких массовых репрессиях и речи не шло – но Рейсс о них знал! Так кто же являлся инициатором «большого террора»: сталинисты или революционеры-интернационалисты?

Ночью 4 сентября 1937 года в Швейцарии, на дороге из Лозанны в Пулли, был найден труп Рейсса. Его ликвидировала оперативная группа НКВД – ведь трудно себе даже представить, что было бы, если бы предатель успел выдать, например, Рихарда Зорге. Смертный приговор невозвращенцу привел в исполнение болгарский коммунист, разведчик-нелегал Борис Афанасьев (Атанасов). С конца 1936 года по конец 1938 года он провел ряд успешных операций, в результате которых оказалось возможным изъять весь архив Лейбы Троцкого, а также старый и текущий архивы сына Троцкого. Кроме того, под руководством Афанасьева был изъят

весь архив Международного секретариата по организации IV Интернационала, ставившего своей целью мировой пожар.

Но предательства адептов мировой революции на этом не закончились. 13 июля 1938 года бежит резидент НКВД в Испании Александр Орлов (настоящее имя Лейба Лазаревич Фельдбин). Он родился в ортодоксальной еврейской семье в Бобруйске. В годы Гражданской войны служил в Особых отделах, с 1920 года, уже как Лев Никольский, становится начальником секретно-оперативной части Архангельской ЧК. С 1924 года он работает в Экономическом управлении (ЭКУ) ОГПУ СССР, а уже в следующем, 1925 году становится помощником начальника ЭКУ ОГПУ СССР, причем этим начальником был его двоюродный брат – комиссар ГБ 2-го ранга Зиновий Борохович Кацнельсон.

В 1926 году Лев Никольский переходит на работу в ИНО ОГПУ СССР – внешнюю разведку. Он выезжает во Францию, Германию, США, Италию, Австрию, Чехословакию, Швейцарию, Англию, Эстонию, Данию, Швецию и в сентябре 1936 года под псевдонимом Александр Орлов был направлен в Мадрид в качестве представителя НКВД СССР по связи с министерством внутренних дел республиканского правительства. Весной 1937 года его назначают также резидентом НКВД СССР в Испании. С началом периода «большого террора» Орлов лично руководит ликвидациями троцкистов, анархистов и вообще всех неугодных. Но вскоре до него доходят слухи, что его родственник и покровитель Зиновий Кацнельсон был снят с поста заместителя начальника ГУЛАГа. А когда ему самому приказывают прибыть на советское судно «Свирь», стоявшее в Антверпене, на встречу со Шпигельгласом, который после смерти своего предшественника Абрама Ароновича Слуцкого исполнял обязанности начальника внешней разведки, Орлов запаниковал и на встречу не явился. Вместо этого он похитил из сейфа советского консульства на Авенида дель Тибидабо в Барселоне 90,8 тыс. долларов (примерно 1,5 млн долларов по нынешнему курсу) и 13 июля 1938 года бежал через Францию в США вместе с женой, также сотрудницей резидентуры, и дочерью. Впоследствии он представил дело так, что опасался быть отозванным в Москву и подвергнуться репрессиям. Но в действительности, как утверждают историки Борис Володарский и Александр Колпакиди, его никто не отзывал из командировки и относительно него не было никаких подозрений. Ему всего лишь собирались вручить орден Ленина...

Как теперь ясно, уход Орлова на самом деле был инициирован еще более ужасным предательством в среде высокопоставленных чекистов, которое произошло ровно за месяц до бегства Орлова. Утром 13 июня 1938 года у города Хуньчунь сдался маньчжурским пограничникам и попросил политического убежища в Японии ни много ни мало начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю (ДВК) комиссар госбезопасности 3-го ранга (генерал-лейтенант) Генрих Самойлович Люшков. И бежал он вовсе не из страха перед «массовыми расстрелами» – они его как раз обошли стороной. А вот сам он был рьяным организатором этих самых расстрелов и делал все, чтобы нанести максимальный урон безопасности Советского государства.

Люшков родился в 1900 году в Одессе в семье еврейского портного. В июле 1917 года вступил в РСДРП(б), затем рядовым в Красную гвардию. С 1918 года в органах ЧК. В 1920 году, т. е. в возрасте 20 лет, он становится заместителем председателя Тираспольской ЧК, в 1924 году – начальником Проскуровского (так до 1954 года назывался город Хмельницкий) окружного отдела ГПУ, входившего в Подольский губернский отдел, которым тогда руководил Израиль Моисеевич Леплевский – также выходец из бедной еврейской семьи рабочего-табачника, в молодости член «Бунда». Не имея образования, Леплевский в 1929 году возглавил Секретно-политический отдел (СПО) ГПУ Украины и забрал к себе в Харьков (тогдашнюю столицу Украины) Люшкова, который стал преемником Леплевского на этом посту. В 1931 году они оба вместе с председателем ГПУ Украины Всеволодом Аполлоновичем Балицким переезжают в Москву, где Балицкий становится заместителем председателя ОГПУ СССР, Леплев-

ский – начальником Особого отдела (ОО) ОГПУ СССР, а Люшков – помощником начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ СССР, начальником которого тогда был Генрих Григорьевич (Енох Гершеневич) Ягода. Все эти люди сыграют в дальнейшей судьбе Люшкова решающую роль.

В июле 1934 года был образован НКВД СССР, который возглавил Ягода. И уже в декабре того же года Люшков вместе с Ягодой участвует в расследовании убийства Кирова. Таким образом, именно Ягода, а не Леплевский делает Люшкова проходной фигурой – в дамки. Леплевского, наоборот, как и Балицкого, понижают – возвращают на Украину, причем Леплевского вскоре ссылают в Саратов. Хотя в 1937 году его ожидает новый взлет – он станет наркомом внутренних дел Украины.

Уже после своего бегства в Японию, 13 июля 1938 года, Люшков в интервью японской газете «Ёмиури симбун» заявит: «Я действительно предатель. Но я предатель только по отношению к Сталину... Таковы непосредственные причины моего побега из СССР. Я не только непосредственно занимался расследованием убийства Кирова, но и активно принимал участие в публичных процессах и казнях, проводившихся после кировского дела под руководством Ежова. Я имел отношение к следующим делам:

1. Дело так называемого ленинградского террористического центра в начале 1935 г.
2. Дело террористического центра о заговоре против Сталина в Кремле в 1935 г.
3. Дело так называемого троцкистско-зиновьевского объединенного центра в августе 1936 г.

Перед всем миром я могу удостоверить с полной ответственностью, что все эти мнимые заговоры никогда не существовали и все они были преднамеренно сфабрикованы... На процессе, проходившем в августе 1936 г., обвинения в том, что троцкисты через Ольберга 1). Были связаны с германским гестапо, обвинения против Зиновьева и Каменева в шпионаже, обвинения в том, что Зиновьев и Каменев были связаны с так называемым “правым центром” через Томского, 2). Рыкова и Бухарина, – полностью сфабрикованы. Зиновьев, Каменев, Томский, Рыков, Бухарин и многие другие были казнены как враги Сталина, противодействовавшие его разрушительной политике».

Но парадокс заключается в том, что, как выяснилось уже гораздо позднее, Люшков сам готовил покушение на Сталина и перешел к японцам, чтобы они помогли ему осуществить задуманное. Как же в таком случае можно утверждать, что все эти заговоры «мнимые» и «никогда не существовали»? А те, кого выгораживает предатель, скорее всего являются такими же предателями.

В самом деле, в 1978 году японский журналист Ёсиаки Хияма опубликовал документальное расследование «План покушения на Сталина. Эмпирический разбор тайного замысла японской армии», из которого следует, что Люшков предложил японцам план убийства Сталина и даже выразил готовность участвовать в этой операции. Как оказалось, эта мысль пришла ему в голову, когда после окончания Первого московского процесса по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» Люшков был назначен начальником УНКВД по Азово-Черноморскому краю (АЧК). В Ростове-на-Дону в его обязанности, помимо прочего, входило обеспечение безопасности Сталина во время отдыха вождя в Сочи. Именно Люшков курировал строительство дачи Сталина в Мацесте. Он устранил практически все недочеты в системе охраны водолечебницы, однако оставил одну-единственную лазейку, через которую можно было подобраться к Сталину, – и теперь такой случай представился.

Японцы сразу же приступили к разработке операции «Медведь», которая, как теперь считается, была одной из самых реальных попыток убить Сталина. Люшков знал, что проникнуть в водолечебницу можно по водостоку: труба большого диаметра заполнялась только до половины и вела в резервуар, откуда через люк можно было пролезть в кладовую. Убийцы должны

были убрать охрану и пройти в комнату, где Сталин принимал радоновую ванну: в этот момент он оставался в одиночестве.

Готовились всерьез – на японской разведбазе в Чаньчуне выстроили копию водолечебницы, на которой отрабатывались все детали операции. О том, чтобы остаться в живых, не было и речи – в число исполнителей набирали только добровольцев-смертников из числа русских эмигрантов. В начале 1939 года группу, которую, по одной из версий, возглавил сам Люшков, перебросили сначала в Неаполь, а затем к советско-турецкой границе.

Поскольку Люшков хорошо знал систему охраны границы, диверсанты уверенно продвигались по одному из ущелий. Уже казалось, опасное позади – и в этот момент раздался шквальный пулеметный огонь. Трое диверсантов были убиты на месте, остальным удалось уйти. Как пишет политический обозреватель ИА REGNUM доктор исторических наук Анатолий Кошкин 17 июля 2018 года, «в одном из изданий утверждается, что о провале теракта 29 января 1939 года написала английская газета “Ньюс Кроникл”: “Как сообщило агентство ТАСС, 25 января погранвойска Грузинской ССР уничтожили трех человек, пытавшихся перейти границу со стороны Турции. Эти трое – троцкисты, пользующиеся поддержкой фашистов. У убитых найдены пистолеты, ручные гранаты и подробные карты местности. Целью преступной группы было убийство Иосифа Виссарионовича Сталина, находившегося в Сочи. Однако пограничники заблаговременно узнали о преступном плане и истребили злоумышленников. Нарком иностранных дел Литвинов выразил решительный протест в связи с тем, что Турция сделалась базой антисоветских провокаций”. Было такое заявление ТАСС, и шла ли речь в нем о подготовленной японской разведкой с помощью Люшкова диверсионной операции, сейчас сказать трудно. Но свидетельств того, что план физического уничтожения Сталина накануне войны существовал, в японской литературе и периодике немало».

Некоторые источники утверждают, что операция «Медведь» была раскрыта советской контрразведкой благодаря агенту «Лео», с самого начала внедренному в диверсионную группу Люшкова. Возможно, это произошло благодаря информации Рихарда Зорге, который имел доступ к материалам по Люшкову. Дело в том, что шеф абвера адмирал Канарис сразу направил в Японию своего представителя, с которым японцы обещали поделиться полученными от Люшкова сведениями. Позднее, при аресте группы Зорге, был захвачен шифр и прочитан ряд донесений Рамзая в Центр, например, от 5 сентября 1938 года: «Сделайте все возможное, чтобы достать копии документов, которые специальный представитель Канариса получил от японской армии (или копии документов, полученных этим представителем у Люшкова). Передайте их немедленно». Зорге удалось скопировать наиболее важные страницы и отправить их в Москву.

Как выяснилось, Люшков полностью раскрыл японцам все аспекты своей работы во главе госбезопасности Дальнего Востока. Он прибыл в Хабаровск вместе со своим штабом в специальном вагоне 9 августа 1937 года, т. е. сразу после выхода приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 года «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Люшков тут же арестовал около 40 сотрудников УНКВД, в том числе своего предшественника, комиссара госбезопасности 1-го ранга (что соответствовало званию генерала армии) Терентия Дмитриевича Дерибаса, происходившего из семьи потомственных казаков.

Терентий Дмитриевич Дерибас, активный участник установления советской власти на Урале и в Сибири, 25 мая 1923 года был назначен начальником Секретного отдела ГПУ, затем ОГПУ, а 30 июля 1927 года – первым помощником начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ, которое возглавил Ягода. В 1929 году Дерибас был направлен на Дальний Восток в качестве полномочного представителя ОГПУ СССР, а фаворитом Ягоды стал Люшков, так что пути Дерибаса и Люшкова пересекались. 10 июля 1934 года Дерибас был назначен на долж-

ность начальника УНКВД по ДВК и одновременно начальником Особого отдела (ОО) Особой Краснознамённой Дальневосточной армии (ОКДВА).

28 марта 1937 года Генрих Ягода был арестован по обвинению в совершении «антигосударственных и уголовных преступлений», а также в «связях с Троцким, Бухариным и Рыковым, организации троцкистско-фашистского заговора в НКВД, подготовке покушения на Сталина и Ежова, подготовке государственного переворота и интервенции». И уже 8 мая 1937 года постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) со своего поста начальника УНКВД по ДВК смещают бывшего заместителя Ягоды Терентия Дмитриевича Дерибаса. На его место с должности наркома внутренних дел Украины назначается Балицкий, которого 7 июля 1937 года тоже арестовывают.

К аресту Балицкого (по национальности украинца) Люшков отнесся с крайним злорадством. Об этом позже рассказала жена Люшкова – Нина Васильевна Письменная (урожденная Краузе). По ее словам, о ходе следствия по делу украинских чекистов Люшкова ориентировал по телефону из Киева Израиль Моисеевич Леплевский. Плохо относился Люшков и к Блюхеру – Маршалу Советского Союза, кавалеру ордена Красного Знамени № 1 (1918) и ордена Красной Звезды № 1 (1930). Нина Васильевна «однажды невольно слышала разговор Люшкова с Осининым (заместителем Люшкова. – А.В.) о Блюхере, после чего ей стало ясно, что Люшков не ладит с Блюхером и не любит его». Когда же в середине мая 1938 года Люшков узнал об аресте Леплевского, то «было видно, что он очень волнуется. С тех пор он стал задумчив и замкнут». По словам жены, в Хабаровске у них дома бывали только Каган и Осинин, и у Люшкова от них не было секретов. Как теперь известно, вместе они арестовали только на Дальнем Востоке 200 тыс. человек, 7 тыс. из которых расстреляли.

Моисей Аронович Каган, еврей, родился в Чуднове Волынской губернии в 1904 году, с 1919 года (в 15 лет) служил в Красной Армии, с 1923 по 1931 год работал районным уполномоченным Волынского губернского Совета профсоюзов и в ГПУ Украины. Как указывают в книге «1937. Большая чистка. НКВД против ЧК» (2009) Михаил Тумшис и Александр Папчинский, «при содействии Люшкова в Москву, в аппарат СПО перебрались и его коллеги по работе в ГПУ Украины – М.А. Каган и Э.К. Каганова. Эмма Карловна Каганова (настоящее имя Суламифь Соломоновна Кримкер) была хорошей знакомой Люшкова, он дал ей рекомендацию при вступлении в партию. Вместе с Кагановой в Москву переехал и ее муж, будущий начальник знаменитого 4-го Управления НКВД – НКГБ П.А. Судоплатов. Он стал работать в 1-м отделении ОК ОГПУ под началом “украинца” Н.Л. Рубинштейна». Каган был начальником 2-го отделения СПО ОГПУ СССР, с 21 апреля 1935 по 31 августа 1936 года – 3-го отделения СПО ГУГБ НКВД СССР. Затем он помощник начальника УНКВД по Северо-Кавказскому краю. 13 апреля 1937 года Каган получил звание майора ГБ (соответствовало званию полковника), работая помощником начальника УНКВД по АЧК, которым был Люшков. 21 августа 1937 года он становится заместителем начальника, одновременно в июле – октябре 1937 года председателем «тройки» при УНКВД по АЧК. С 3 октября 1937 по апрель 1938 года работает заместителем начальника УНКВД по ДВК, т. е. Люшкова. 3 мая 1938 года Каган был арестован и 26 февраля 1940 года расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. В апреле 2013 года Моисей Аронович Каган признан не подлежащим реабилитации.

Григорий Маркович Осинин-Винницкий, еврей, родился в 1899 году. В органах ВЧК с 1919 года, в конце 20-х годов занимал должность начальника секретно-политического отдела (СПО) Харьковского окружного отдела ГПУ Украины, в 1932–1933 годах – начальника СПО Управления ГПУ УССР по Винницкой области, затем аналогичную должность в УГБ УНКВД по Днепропетровской и в УГБ УНКВД по Одесской области. 7 октября 1936 года его назначают начальником СПО (4-го отдела) УГБ УНКВД – помощником начальника УНКВД по АЧК, т. е. Люшкова. 22 августа 1937 года Осинин-Винницкий получил звание майора ГБ, работая заместителем начальника УНКВД по ДВК и одновременно начальником ОО ОКДВА и началь-

ником 5-го отдела. 13 июня 1938 года – в день побега своего шефа – он был освобожден от занимаемой должности и 14 июля арестован по обвинению в участии в антисоветской террористической заговорщической организации, действовавшей в НКВД, фальсификации уголовных дел в отношении честных советских граждан, а также в принадлежности с 1937 года к агентам немецкой разведки, которой одновременно передал ряд совершенно секретных материалов государственной важности. Осинин-Винницкий был расстрелян 26 января 1940 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР (ст. 58—1а, 17 и 58—8, 58—11 УК РСФСР). 28 марта 2013 года в реабилитации ему отказано (определение Верховного суда РФ).

Женой Осинина-Винницкого была сотрудница Киевского окружного отдела ГПУ Украины Евгения Адольфовна Винницкая – белокурая красавица, этническая немка. После ареста мужа она в 1938–1939 годах находилась под следствием и содержалась в Лукьяновской тюрьме НКВД в Киеве, но была освобождена из-за отсутствия улик. С 1939 года она являлась секретным сотрудником НКВД УССР. В период оккупации под фамилией Бремер она была оставлена в Киеве для подпольной работы. Немцы знали, что её муж был репрессирован, и считали её своей – «фольксдойче». Она проживала в доме № 32 по улице Чкалова (теперь Олеся Гончара), а её соседкой и лучшей подругой была Раиса Окипная (Капшученко) – прима Киевского оперного театра («Зоя»). Вскоре Женя и Зоя вошли в состав нелегальной резидентуры НКВД, которую возглавлял капитан госбезопасности Иван Данилович Кудря («Максим»). Женя устраивала вечеринки и сумела завести знакомства среди офицеров немецкой военной железнодорожной службы, собирала сведения о военных перевозках, графике поездов и военных грузах, а у Зои было море поклонников среди высших чинов немецкой оккупационной администрации и украинской вспомогательной полиции «шума». В Москве отмечали, что «группа проникала в высшие немецкие круги через Зою, владеющую прекрасным голосом, и ее подругу – немку Женю» (об этом я подробно пишу в своей первой книге «Незримый фронт. Сага о разведчиках»). Группа Максима была выдана заведующей лабораторией местной поликлиники Нанеттой Грюнвальд, которая была осведомительницей СД. 5 июля 1942 года Максима и Раю арестовали. На следующий день гестапо схватило и Женю. Три месяца они подвергались чудовищным пыткам, но никого не выдали. Раису Окипную и Евгению Бремер расстреляли 6 ноября 1942 года в урочище Бабий Яр. Место и время казни Ивана Кудри неизвестны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года капитану Ивану Даниловичу Кудре посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Раиса Окипная посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени. Была ли награждена Евгения Бремер, остается неизвестным.

Кстати, подготовкой Ивана Кудри занималась Эмма Карловна Судоплатова – опытная агентуристка, с 1928 года сотрудница Секретно-политического отдела (СПО) ГПУ Украинской ССР, где она курировала работу с осведомителями из среды творческой интеллигенции Украины. В этом же отделе в те годы работал и Люшков, который возглавил его в 1931 году, а затем перебрался вместе с Балицким и Леплевским в Москву и забрал с собой Эмму Карловну. Но в 1935 году она перешла в 7-й отдел (ИНО) ГУГБ НКВД СССР – внешнюю разведку. Так разошлись пути бывших коллег, как в известной песне: «Мгновенья раздают – кому позор, кому бесславье, а кому – бессмертие»...

Позорная участь ждала не только Люшкова вместе с подельниками Каганом и Осининым-Винницким, но и предательницу Грюнвальд. В начале 1960-х годов ее разыскал генерал-майор в отставке Виктор Александрович Дроздов, который в начале войны был помощником Павла Анатольевича Судоплатова. Она была осуждена на 25 лет лагерей, но реабилитирована (!) в 1956 году, во времена хрущевской «оттепели». Грюнвальд поведала, что её шеф и любовник гестаповец Шарм устроил ей очную ставку с Раисой Окипной. Увидев приму оперного театра чёрной от побоев, Нанетта всплакнула. На вопрос Шарма: «Неужели ей так жалко партизанку?» – она ответила: «По-человечески жалко, а как врага – нет». Благодаря

усилиям генерала Дроздова предательница Грюнвальд была возвращена в лагерь, где, как считалось до недавнего времени, следы её затерялись на просторах ГУЛАГа...

Однако совсем недавно автор этих строк получил письмо от сына бывшего начальника медицинского отдела управления ЖХ-385 (кодовое название «Дубравлаг») Василия Федоровича Скрынника, который сообщил, что в Дубравлаге среди власовцев, бандеровцев и других пособников фашистов содержалась и Нанетта Грюнвальд: «Так как состояние здоровья Грюнвальд ухудшалось, медицинская комиссия, председателем которой я являлся по должности, выдала ей 1 группу инвалидности. Когда Грюнвальд полностью отбыла свой срок, встал вопрос о ее дальнейшей судьбе. Из родственников у нее оставался только сын, который официально отказался от матери. По действовавшим законам освобождающихся эков-инвалидов, не имеющих родни, полагалось определять в дома престарелых по месту отбывания наказания или месту осуждения. Вначале я отправил документы в Министерство социального обеспечения Мордовской АССР, но Саранск ответил отказом: “Нет мест”. Также отказался от Грюнвальд и Киев... При нашем управлении ЖХ-385 был отдел КГБ, занимавшийся делами государственных преступников и иностранцев... После их обращения в КГБ СССР из Москвы пришла путевка для Грюнвальд Натальи Францевны в один из домов престарелых Львовской области. После этого о ней я больше не слышал».

После побега Люшкова к японцам в результате проведенного расследования выяснилось, что тот заранее все тщательно спланировал. Используя свое служебное положение, он под предлогом якобы предстоящей встречи с крупным агентом с сопредельной территории три раза в течение месяца приезжал на заставу имени Косарева 59-го Посьетского (Хасанского) пограничного отряда войск НКВД СССР, где детально знакомился с прохождением линии границы и с путями, ведущими к японской заставе Пензау и маньчжурскому городу Хуньчунь.

Как пишет Олег Борисович Мозохин в своей монографии «ОГПУ – НКГБ в борьбе со спецслужбами Японии», первый раз Люшков приехал на заставу в сопровождении начальника пограничного отряда полковника Грибенника в ночь с 12 на 13 мая 1938 года. Вместе с ним и начальником заставы лейтенантом Дамаевым Люшков вышел на линию государственной границы, где ознакомился с местностью сопредельной территории, прилегающей к границе. Вторично Люшков выехал на границу в сопровождении заместителя начальника 7-го отдела (ИНО) УНКВД лейтенанта госбезопасности Стрелкова 28 мая 1938 года. Перед выездом Люшков вызвал к себе начальника пограничных и внутренних войск НКВД ДВО комдива Соколова и зачитал якобы полученный по телеграфу приказ наркома внутренних дел Ежова о том, что лично ему, Люшкову, поручается принять крупного агента, который должен прийти с сопредельной территории на участке заставы 59-го Посьетского погранотряда. Об этом он заявил и лейтенанту госбезопасности Стрелкову. 29 мая Люшков в сопровождении Грибенника и Стрелкова приехал на заставу. Начальнику заставы лейтенанту Дамаеву был отдан приказ: пограничных нарядов в район пограничного знака № 8 не высылать. После ознакомления с участком границы Люшков выбрал место для своего расположения напротив распадка на сопредельной территории примерно в 200 м от границы и приказал Грибеннику занять позицию влево от него на расстоянии 300 м, а Стрелкову – вправо на расстоянии 100–150 м. Лейтенанту Дамаеву он приказал вернуться на заставу и прибыть к нему в 3 час. 30 мая. Но когда Дамаев, согласно приказу, прибыл на место, Люшкова там не было. После двухчасовых поисков он был обнаружен у пограничного знака № 8. По словам Люшкова, ночью он поднялся со своего места, упал и, опасаясь заблудиться, забрался на сопку и стал ждать рассвета. Все эти происшествия он приказал держать в секрете, мотивируя это оперативными соображениями.

12 июня Люшков вновь прибыл в сопровождении Стрелкова на заставу имени Косарева, объяснив это предстоящей встречей с агентом, который не пришел в прошлый раз. Стрелкову он приказал взять с собой всю наличную валюту ИНО (внешняя разведка) в сумме 4500 гоби и иен. Около 19 час. Люшков вновь приказал Дамаеву вести себя и Стрелкова на тот же участок,

что и в прошлый раз. Нарядов в этот район приказал не высылать. Тем самым Люшков своим приказом открыл государственную границу в районе пограничного знака № 8. По истечении контрольного времени Люшкова на месте не оказалось. Вместо него была обнаружена зеленая пограничная фуражка, которой он маскировался на заставе, форменный плащ, коробка к пистолету «Маузер» и бутылка из-под нарзана. Никаких других следов или признаков насильственного увода Люшкова на сопредельную территорию обнаружено не было. Дамаев сделал два выстрела из ракетницы. После этого они со Стрелковым обследовали весь участок границы, и Дамаев пошел по обнаруженному следу через линию границы на сопредельную территорию на расстояние 1 км от линии границы. При выходе на дорогу, идущую от погранзнака № 8 к японской заставе Пензау, след терялся. Было около 10 час. утра 13 июня 1938 года.

В течение дня на сопредельной территории началось необычное оживление, что выражалось в движении машин и выброске с японской заставы Пензау одного усиленного наряда в направлении погранзнака № 8 и одного – в направлении погранзнака № 7, чего раньше не наблюдалось. Факт бегства начальника УНКВД по ДВК был налицо. Позже это подтвердил закордонный агент Хуньчуньской жандармерии. По его данным, Люшков был обнаружен на территории Маньчжоу-Го пограничной стражей 13 июня в 5 час. утра. Его заметили в 15 м от штаба полицейского отряда. В утреннем тумане двое корейских полицейских подкрались к перебежчику на расстояние 5 м и окликнули его. Он сразу же поднял руки, затем достал два пистолета и бросил их. Его доставили в штаб, где он показал, что является начальником Управления НКВД по Дальневосточному краю, комиссаром госбезопасности Люшковым. Всех это поразило. Люшков сразу стал сообщать важные военные сведения, о чем незамедлительно передали в штаб Корейской и Квантунской армий.

Как и следовало ожидать, в Москве сразу же была арестована жена Люшкова – Нина Васильевна Письменная (урожденная Краузе). На допросах 15 и 16 июня она показала, что Люшков еще в мае начал уговаривать ее вместе с дочерью уехать в Москву, забрав все свои вещи и деньги, мотивируя это тем, что за время их отсутствия его, возможно, переведут в Москву. Перед отъездом он дал ей 8 тыс. рублей и облигаций на 6 тыс. рублей. Она также сообщила, что за семь лет совместной жизни с Люшковым (познакомились они в Харькове в 1931 году) не было случая, чтобы он чем-нибудь выказывал свою радость по поводу достижений советской власти. Более того, в его отношении к советской власти сквозила ирония. По ее словам, он был страшным карьеристом, лицемером, злопамятным и завистливым чиновником. Люшков носил маску, при помощи которой старался скрыть от людей, от партии и советской власти свою пошлость, свое двурушничество и предательство. Его наиболее близкими друзьями были Леплевский, Каган и Осинин.

Никаких улик в отношении того, что жена Люшкова знала о готовящемся побеге мужа, получено не было. Тем не менее 19 января 1939 года она как «член семьи изменника Родины» (ЧСИР) была осуждена на 8 лет лагерей. После реабилитации в 1962 году она нашла свою дочь Людмилу Яковлевну Письменную в Латвии (которая была дочерью Письменной от первого брака и приемной дочерью Люшкова). Оказалось, что дочь уехала туда к двоюродному брату – Владимиру Борисовичу Шульману, окончила Латвийскую государственную консерваторию, а также аспирантуру Ленинградской консерватории и с 1953 по 1996 год преподавала на факультете хорового дирижирования Латвийской консерватории. 30 апреля 1996 года Сейм Латвии за особые заслуги присвоил профессору Людмиле Яковлевне Письменной гражданство Латвии.

Однако, возможно, все было несколько иначе. Ёсиаки Хияма приводит слова бывшего начальника японской военной разведки в Сеуле Матасаки Онухи о том, что во время второго допроса Люшков выдвинул условия, на которых он согласен сотрудничать с японцами. Он потребовал гарантий своей безопасности в Японии, 500 тыс. японских иен и возможность

выезда в третью страну. Люшков также просил получить подтверждение того, что его семья успела бежать в Финляндию...

Тем временем в Сеул прибыл представитель 2-го отдела Квантунской армии подполковник Тацуро Утагава и забрал Люшкова в штаб Квантунской армии в Харбин, где допросы продолжились. После этого на самолете Люшкова доставили в Токио и поселили в отдельном особняке в районе Кудан. Сведения Люшкова о том, что СССР намерен дожидаться момента, когда Япония истощит свои силы в войне с Китаем, а затем напасть на нее, во многом изменили внешнеполитические и военные планы Японии.

Люшков получил должность старшего консультанта в секретном отделе, который занимался пропагандой, разведкой и психологической войной против СССР. Он передал японцам исключительно важные сведения о советских вооружённых силах, в частности об особенно интересующем их регионе – Дальнем Востоке. Не менее подробно он раскрыл организационную структуру и методы работы органов госбезопасности. Касаясь организации контрразведывательной деятельности, он отмечал, что меры контрразведывательного характера принимаются по линии агентурного наблюдения за командным составом и особенно штабными работниками, инженерами военных предприятий, за лицами, имеющими связь с учреждениями, которые ведут секретную переписку, за лицами иностранного происхождения и т. д. Они окружаются агентами на службе, изучаются их связи вне службы, их личные связи и связи с женщинами. Кроме того, используются начальники секретных отделов учреждений (где хранится секретная переписка), чтобы узнавать о настроениях лиц, имеющих отношение к секретной переписке. Специальный режим установлен вокруг служащих в иностранных консульствах. С целью пресечения всех возможностей с их стороны к ведению шпионской работы консульства окружаются агентами, за каждым служащим ведется грубое наблюдение, чтобы он это видел. Все лица, граждане СССР, входящие в консульство, после выхода оттуда немедленно задерживаются и, если устанавливается, что нет законных причин к посещению консульства, они арестовываются и сажаются. Так поступают и с теми лицами, которые находятся в контакте с консульскими чиновниками.

Люшков указал круг лиц, которых, по его мнению, нужно вербовать, и методы вербовки советских граждан. Он рассказал о предпринимаемых мерах по выявлению японских шпионов. Раскрыл японцам принципы вербовки агентуры органами НКВД. Основным контингентом для ведения разведки на территории Маньчжоу-Го считались китайцы. Были созданы две базы: одна в Манзовке, другая в Бикине, где были сконцентрированы китайские беженцы и бежавшие партизаны. Из них готовились кадры для переброски в Маньчжоу-Го. Главной целью являлось внедрение агентуры в местах расположения японских военных миссий: Сахалине, Санчагоу, Фуйкане, Мишане, Пограничной, Хуньчуне и т. д.

По данным Ёсиаки Хиямы, «Люшков в качестве советника японской военной разведки принял участие в ликвидации закордонной агентурной сети советских спецслужб. Он выехал из Токио в город Чаньчунь, где расположился штаб Квантунской армии. Японские источники ничего не сообщают о количестве разоблаченных бывшим чекистом агентов НКВД и РУ РККА, ограничиваясь пространной фразой, что “русской разведке был нанесен серьезный удар”». Люшков лично принимал участие в допросе подозреваемых в сотрудничестве с советскими спецслужбами корейцев, русских и китайцев, применяя при этом самые изощренные пытки.

Он выдал японцам всю известную ему агентурную сеть на Дальнем Востоке – в частности, рассказал об операции «Маки-Мираж», которая проводилась на протяжении 13 лет под руководством Терентия Дмитриевича Дерibasа. Название этой контрразведывательной операции восходит к посевам мака и опиумному дурману в среде безработных китайцев. Здесь же, в Северной Маньчжурии, насчитывалось от 250 до 500 тыс. бывших белогвардейцев, среди которых выделялись семёновцы. Для их использования против Советского Союза японцы создали

Монгольское торгово-промышленное общество, которое занималось подготовкой террористов и снабжением их оружием. Деятельностью всех этих организаций руководила Японская военная миссия в Харбине, которая к концу 1920-х годов превратилась в крупнейший разведывательный орган и работала под руководством второго отдела японского Генштаба.

Контрразведывательная операция «Маки-Мираж» началась в 1924 году в городе Сахалин (нынешний Хэйхэ) на берегу Амура, где было учреждено японское консульство, которое использовалось для организации диверсий и терактов. К деятельности привлекали контрабандистов, для снабжения которых консульство располагало специальным фондом дефицитных товаров. Резидентом японской разведки был Садаитиро Кумадзава, владелец гостиницы «Сибирь». Ему удалось завербовать представителя Дальгосторга Леонида Островского. Как рассказывает председатель Совета ветеранов УФСБ России по Хабаровскому краю Николай Лукьянченко, в действительности это был сотрудник ОГПУ Лазарь Хаимович Израилевский, оперативный псевдоним «Летов» – в документах японской разведки он проходит как «Старик». В 1930 году «Старик» рассказал Кумадзаве, что есть некий Иван Горелов – крупный военачальник в штабе ОКДВА, который прокутил с женщинами несколько тысяч казенных денег. Это была легенда – на самом деле никакого Горелова («Большой корреспондент») никогда не существовало, всю информацию для «Старика» готовили чекисты. Кульминацией деятельности «Большого корреспондента» стал доклад от 1934 года «О структуре и численности стрелкового батальона Дальневосточной армии». Японцы, получив эти данные, умножили численный состав и вооружения батальона на количество батальонов, сведения о которых также были получены от «Большого корреспондента». Полученный результат был ошеломляющим и заставил японский штаб пересмотреть планы широкомасштабной войны против СССР. Кроме того, в ходе оперативной игры через «Старика» японской разведке была подставлена легендарная контрреволюционная организация в Хабаровске, так что к началу 1930-х годов под контролем чекистов находилась вся резидентура японской разведки.

Операция «Маки-Мираж» завершилась внезапно – после того, как японцам о ней рассказал Люшков, главный чекист Дальнего Востока. Уже фактически шла Вторая мировая война, японская Квантунская армия во всю громила китайцев и готовилась к нападению на Советский Союз. Когда же японцы узнали, что все это время чекисты водили их за нос, они решили проверить силы Красной Армии боем – и уже в июле 1938 года, через месяц после бегства Люшкова, ударили у озера Хасан. И лишь благодаря своевременной информации Рихарда Зорге о времени и месте нападения Красная Армия сосредоточила силы именно там, где они требовались. Бои были кровопролитными, но японцы поверили, что восточные рубежи Советского Союза надежно защищены.

Если бы этот наскок увенчался успехом, то Великая Отечественная война могла бы начаться на три года раньше. Причем не на западе, а на востоке – и именно из-за Люшкова. Такова цена предательства.

А теперь представим, что какой-нибудь Рейсс или Кривицкий сдал бы Рихарда Зорге? Что тогда, война? А ведь предательство следовало за предательством. Как спасти ценнейших агентов, от которых зависели война и мир? Пришлось пожертвовать такими фигурами, как Артузов, Берзин, Карин – лучше перестраховаться...

В начале 1941 года Люшкова перевели в «Това кенку дже» («Бюро по изучению Восточной Азии»), являющееся филиалом японской военной разведки. В его обязанности входил анализ агентурных данных, материалов радиоразведки и пограничной разведки, а также показаний военнопленных и перебежчиков. Люшкову выдали новые документы на имя Маратова, обеспечили вооруженной охраной, нашли любовницу из числа японок, говоривших по-русски.

В течение 1941–1945 годов 2-й отдел Квантунской армии постоянно просил руководство Генштаба направить Люшкова в его распоряжение. Наконец, в июне 1945 года по приказу начальника 2-го отдела Генштаба Люшков на самолете был доставлен в Чаньчунь. Его посе-

лили в гостинице под фамилией Ямогучи Хасимота. Затем на поезде отправили в Порт-Артур, откуда перевезли в распоряжение японской военной миссии в Дайрене, начальником которой был капитан Такеока Юсаки.

14 августа 1945 года имперский Генеральный штаб по приказу императора Хирохито объявил о капитуляции Японии, после чего 16 августа командующий Квантунской армией генерал Ямада Отодзо приказал своей армии сдаться. Судьба Люшкова, который становился ненужным свидетелем, поскольку знал множество секретов японских спецслужб, теперь находилась в руках командующего Порт-Артуром, начальника штаба обороны Квантунского полуострова генерал-лейтенанта Гэндзо Янагита, который с 1940 по 1943 год возглавлял Японскую военную миссию в Харбине и был помощником начальника военной разведки Квантунской армии.

Вердикт генерал-лейтенанта Гэндзо Янагита был предельно жестким. В своем кратком разговоре с капитаном Такеока Юсаки он сказал: «Если Люшков откажется от самоубийства, необходимо его ликвидировать».

19 августа Люшкова вызвали в здание военной миссии в Дайрене. Как показал позднее на допросе Такеока Юсаки, «я стал вести разговор о том, чтобы он покончил жизнь самоубийством, указав на безвыходность создавшегося положения. Но Люшков отказался от самоубийства и опять настоятельно требовал создать ему условия для побега. Я предложил пойти вместе с ним в порт, якобы подыскать подходящее судно, на котором он мог бы уплыть в Китай. Спустившись со второго этажа, на ступеньках к выходу во двор я быстро зашел вперед и внезапно из имеющегося у меня браунинга выстрелил ему в левую сторону груди. Он упал. Это было примерно в 11 часов 30 минут вечера».

После этого Такеока распорядился добить раненого. Начальник разведывательного отделения миссии Аримица Кадзуо выполнил приказ: «Я взял... пистолет и выстрелом в висок добил этого человека насмерть».

Сотрудникам миссии Такеока заявил, что «по приказу генерала Янагита был убит важный преступник, а сам этот факт является государственной тайной».

Рано утром 20 августа 1945 года солдаты привезли в местный военный госпиталь замотанный в простыню труп. По распоряжению начальника госпиталя Иосимуры Фумио труп был кремирован. Урна с прахом была доставлена в военную миссию, а оттуда, по распоряжению Такеоки – в один из местных буддийских храмов.

Так закатилась «звезда» Востока – и не только Дальнего...

Национальный проект

*Собака сильного хозяина любит, а слабого – кусает.
Малюта Скуратов*

Побег Люшкова подвел черту под эпохой «революционного романтизма», когда стало ясно, что органы госбезопасности оказались захвачены «пассионариями» с российских окраин, которые способны только разрушать «до основания» – никаких созидательных целей у них нет. Поэтому 17 ноября 1938 года вышло совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», в котором говорилось: «Враги народа и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД как в центре, так и на местах, продолжая вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников, в особенности, засевших в органах НКВД».

23 ноября 1938 года Ежов написал в Политбюро ЦК ВКП(б) и лично Сталину прошение об отставке, в котором признал себя ответственным за вредительскую деятельность врагов народа, проникших в НКВД и прокуратуру, брал на себя вину за многочисленные побеги разведчиков и высокопоставленных сотрудников НКВД за кордон – прежде всего Люшкова. 24 ноября 1938 года Ежов был освобождён от обязанностей наркома внутренних дел СССР.

На следующий день, 25 ноября 1938 года, наркомом внутренних дел СССР был назначен Лаврентий Павлович Берия. С этого момента репрессивная политика советской власти кардинально меняется. Ни о каком «большом терроре» речь больше не идет. Если за 1937 и 1938 годы было расстреляно 681 тыс. 692 человека, то в 1939 году по обвинению в контрреволюционных преступлениях были приговорены к высшей мере наказания 2 тыс. 600 человек, а в 1940 году – 1 тыс. 600 человек.

При этом среди осужденных при новом наркоме Берии были прежде всего сотрудники НКВД из числа «пассионариев» первых революционных лет, которые не просто скомпрометировали себя в ходе «большой чистки», но откровенно саботировали политику советской власти на построение сильного русского государства. С приходом Берии было уволено – как правило, с последующим арестом и расстрелом, 62 % руководящего состава госбезопасности, т. е. 3 тыс. 830 человек, включая почти всё руководство республиканского и районного уровней.

Результаты кадровой политики Берии выглядят весьма впечатляюще. Вначале посмотрим, как ситуация складывалась до его прихода. Согласно справочнику «Кто руководил НКВД. 1934–1941 годы», на момент создания НКВД СССР 10 июля 1934 года из 96 руководящих работников 37 (38,54 %) были евреями и 30 – русскими (31,25 %). Кроме того, насчитывалось 7 (7,29 %) латышей, 5 (5,21 %) украинцев, 4 (4,17 %) поляка, 3 (3,13 %) грузина, 2 (2,08 %) немца и еще ряд представителей других национальностей. В конце сентября 1936 года, т. е. в пиковый период активности Ягоды, когда его едва удалось остановить с помощью Ежова, из 110 руководителей НКВД СССР уже 43, т. е. почти 40 %, были евреями. Среди остальных 33 (30,00 %) – русские, 9 (8,18 %) – латыши, 6 (5,45 %) – украинцы, 5 (4,55 %) – поляки, 4 (3,64 %) – грузины, 2 (1,82 %) – немцы и т. д.

На Украине ситуация складывалась еще более драматично. Как указывает Александр Север, здесь в 1935 году среди 90 высокопоставленных чекистов (т. е. тех, кто имел звание капитана ГБ и выше) евреев было 60 (66,67 %); русских – 13 (14,44 %); украинцев – 6 (6,67 %); латышей – 3 (3,33 %); поляков – 2 (2,22 %) и т. д.

После того как наркомом внутренних дел был назначен Лаврентий Павлович Берия, ситуация радикально меняется. На 1 июля 1939 года среди 153 руководящих работников НКВД

СССР насчитывалось уже 102 (66,67 %) русских, 19 (12,42 %) украинцев, 12 (7,84 %) грузин и только 6 (3,92 %) евреев при полном отсутствии поляков, латышей и немцев. На 26 февраля 1941 года картина была следующей: русских – 118 (64,84 %), украинцев – 28 (15,38 %), грузин – 12 (6,59 %), евреев – 10 (5,49 %), белорусов – 4 (2,20 %), нет данных – 4 (2,20 %), прочих – 3 (1,65 %), армян – 2 (1,10 %) и один латыш (0,55 %).

При этом принципиальным моментом является то обстоятельство, что на высвобождающиеся места Лаврентий Павлович Берия расставляет не просто русских, а специально подготовленную новую национальную элиту госбезопасности. В основном это были молодые сотрудники, выпускники Центральной школы (с 1939 года – Высшей школы НКВД), Школы особого назначения (ШОН) НКВД, межкраевых школ НКВД, а также молодые рабочие, комсомольские активисты, выпускники вузов. Этих людей отличали следующие принципиально новые качества.

1. Большинство из чекистов бериевского призыва были русскими, а также представителями других коренных народов Советского Союза.

2. Они выросли уже в советской стране, готовы были защищать завоевания русского социализма и были преданы лично Сталину.

3. В отличие от первых чекистов, которые в основной своей массе не имели образования, новое поколение чекистов имело высшее образование, участвовало в индустриализации страны и было ориентировано на созидание нового мощного русского государства.

Наиболее ярким примером произошедшей кадровой революции является назначение начальником 5-го отдела (внешняя разведка) ГУГБ НКВД СССР Павла Михайловича Фитина, который стал первым русским на этом посту с момента создания внешней разведки в 1920 году. В самом деле, до него внешнюю разведку возглавляли армянский революционер Яков Давтян (1888 года рождения), еще один армянин Рубен Катанян (1880 г.р.), еврейский революционер, соратник Ленина, участник Октябрьской революции Соломон Могилевский (1885 г.р.), еврейский революционер-подпольщик Меер Трилиссер (1883 г.р.), который наладил работу закордонной части (резидентур) и привел с собой в разведку целую плеяду соплеменников, среди которых Блюмкин, Слуцкий, Агабеков, Бустрем, Шпигельглас, Минскер, Нейман, Мюллер, Рейсс, Гинзберг, Аксельрод, Герт, Маневич, Розенгольц, Розенцвейг, Фельдбин, Нестерович, Гольденштейн, Гольдберг и другие. Затем внешнюю разведку возглавил выходец из еврейской семьи музыканта и акушерки, председатель Московской и Петроградской ЧК (Ленинградского ГПУ) в 1921–1929 гг. Станислав Мессинг (1890 г.р.), после него Артур Артузов (Фраучи), имевший итальяно-латышско-эстонские корни (1891 г.р.), затем еврей Абрам Слуцкий (1898 г.р.), еврей Сергей Шпигельглас (1897 г.р.), еврей Зельман Пассов (1905 г.р.) и грузин Владимир Деканозов (Деканозишвили), родившийся в Баку в 1898 году. В момент смещения Ежова и прихода к руководству НКВД Лаврентия Павловича Берии (25 ноября 1938 года) короткое время, с 6 ноября по 2 декабря 1938 года, обязанности начальника внешней разведки временно исполнял Павел Судоплатов (1907 г.р.), по паспорту украинец.

Как видим, все начальники внешней разведки (за одним-единственным исключением Пассова) родились еще в XIX веке, т. е. принадлежали к поколению революционеров первой волны, в подавляющем большинстве из числа евреев.

Павел Михайлович Фитин был назначен заместителем начальника внешней разведки (5-го отдела ГУГБ НКВД) 1 ноября 1938 года, т. е. еще при Ежове. Но в тот момент ситуацию в наркомате уже перехватил Берия, который с 29 сентября 1938 года возглавлял ГУГБ НКВД, т. е. собственно госбезопасность, и начинал расставлять свои кадры. 13 мая 1939 года Фитин в возрасте 31 года становится начальником внешней разведки, сменив на этом посту Деканозова, и оставался в этой должности до 15 июня 1946 года, став, наряду с Берией и Судоплатовым, создателем первой национальной разведывательной службы Советского Союза, которая

26 февраля 1941 года стала называться 1-м Управлением НКГБ СССР – предшественником Первого Главного Управления (ПГУ) КГБ СССР.

Павел Михайлович Фитин пришел в элиту советской разведки, в том числе и к добычанию секретов по атомной бомбе, буквально «от сохи». Он родился 28 декабря 1907 года в тюменской глубинке – в селе Ожогино Шатровской волости Ялutorовского уезда Тобольской губернии в семье крестьянина-бедняка Михаила Илларионовича Фитина, который в 1920 году стал организатором одного из первых колхозов во всей губернии – а год спустя в составе коммунистического отряда бедноты сражался против кулацких банд. Его сын Павел уже в 15 лет стал комсомольцем и пионервожатым, в 20 лет его избирают членом Шатровского райкома комсомола. В следующем году он на перекладных отправляется в Тюмень на подготовительные курсы для поступления в ВУЗ. Эти курсы находились в Тюмени на улице Республики – на той же улице находился и Тюменский сельхозтехникум, в котором в том же 1927 году учился будущий легендарный разведчик Николай Иванович Кузнецов. Так что вполне возможно, что два этих земляка встречались и даже были знакомы, не подозревая, что станут великими разведчиками.

Осенью 1928 года Фитин поступил на инженерный факультет Сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева в Москве – как раз в первый год первой пятилетки, когда развернулась широкая индустриализация Страны Советов. Достаточно сказать, что преддипломную практику в 1932 году Павел Фитин проходил на построенном за два года до этого Сталинградском тракторном заводе. Тем самым молодой специалист шагнул в ногу со временем. После окончания академии он работал инженером лаборатории сельскохозяйственных машин Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства, который был создан в 1930 году на базе факультета механизации и электрификации Тимирязевки и факультета электрификации Московского механико-электротехнического института. С октября 1932 по октябрь 1934 года, т. е. в годы второй пятилетки, Фитин работал заведующим редакцией индустриальной литературы в издательстве «Сельхозгиз», а в ноябре 1936 года, после службы в армии, стал заместителем главного редактора этого издательства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.